

ЛИНА ДЕЛЬ

ПРЕДЕЛ ДОВЕРИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Дель

Предел доверия

<https://litres.ru/74668762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя пришла в офис влиятельного бизнесмена всего лишь перенести собеседование подруги. Но его маленькая дочь, пережившая страшную трагедию и переставшая говорить, вдруг потянулась именно к ней.

Олег Демидов не привык просить. Он просто увозит дерзкую учительницу в загородный особняк и ставит перед фактом: теперь она няня его дочери.

Вот только за высокими воротами прячется не роскошная сказка, а мир опасных сделок, предательства, вооружённой охраны и людей, готовых убивать ради власти. Варе предстоит стать единственным человеком, способным вернуть Алису к жизни и не потерять себя рядом с её холодным, опасным и до невозможности притягательным отцом.

Вот только в мире Демидова за любовь платят слишком дорого.

А доверие может стоить жизни.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	44
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 11	89
Глава 12	100
Глава 13	110
Г	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Лина Дель

Предел доверия

Глава 1

Варя

У меня на этот день были совсем другие планы. Отпраздновать начало отпуска дофаминовой бомбой в виде огромного куска торта, а потом гулять по летнему Питеру и подпевать уличным музыкантам. Но что-то пошло не так...

И вот череда совершенно идиотских событий привела меня в современный офис, ничем не примечательный, кроме разве что вида, который открывался из панорамного окна, находящегося за спиной будущего Анькиного босса.

Как его там? Олег Демидов, кажется.

На него я сейчас и смотрю, обомлев от его пугающей реакции на мое появление.

— Ты кто такая, я тебя спрашиваю? Или ты оглохла? — в его тоне столько угрозы, что впору подумать о вызове «112».

Я не то чтобы оглохла. Я, скорее, в шоке от столь «теплого» приема, где мне с порога рывкнули: «А ну стой. Ты, блядь, кто такая?»

Я не из робкого десятка, но даже меня этот препарирую-

щий взгляд заставляет поежиться.

— Я от Анны Смирновой, у которой через пять минут назначено собеседование с вами на должность няни, — пытаюсь подобрать слова, чтобы поскорее объяснить всю ситуацию, но уже понимаю: это худшее начало из всех возможных. — Дело в том, что она буквально пару часов назад попала в больницу и...

— Стой, где стоишь, — обрубает он, когда я машинально делаю шаг вперед, пока объясняю ему суть дела.

Голос у него низкий, спокойный, но одновременно в нем столько жесткой, безусловной власти, что по позвоночнику мгновенно пробегает неприятный холодок. И я послушно замираю, сама удивляясь такой покладистости.

Сидя за своим огромным рабочим столом, мужчина не сводит с меня прищуренного взгляда, берет телефонную трубку и, не повышая голоса, произносит:

— Охрану в мой кабинет.

У меня внутри все обрывается. Он сейчас вызвал охрану из-за... меня?

— Постойте, — нервный смешок вырывается у меня из груди. — Я сама уйду. Скажите, что передать Анне? У нее нет вашего номера, так как ее вам рекомендовал ее прошлый работодатель. Вы могли бы через него назначить новое собеседование, если это возможно? Она будет в порядке через пару дней.

Я выпаливаю это на одном дыхании, чтобы исполнить

свой дружеский долг, выдыхаю, отбрасываю с лица выбившуюся прядь и заставляю себя стоять ровно, хотя больше всего хочется развернуться и перейти на легкую трясцу. Но, наверное, мне нужно дождаться какого-то вразумительного ответа, чтобы понимать, что передать подруге. Но мужчина молча продолжает сканировать меня взглядом, будто источник великой опасности, которую он в любой момент готовится деактивировать.

— Ну так мне передать что-нибудь? Или вы сами?

Демидов встает, внушая еще больший ужас своим ростом, и я отступаю на шаг к двери, готовая броситься наутек в любой момент. Но он не приближается ко мне, вместо этого подходит к дивану, и я только теперь замечаю ребенка. Белокурая девочка лет пяти с большими испуганными глазами, такими же серыми, как и у ее отца. Нет сомнений, что она его дочь, сходство видно невооруженным взглядом. Она сидит на диване, чуть склонив голову, и внимательно наблюдает за мной, посасывая палец.

Я невольно отмечаю, что у ребенка синдром компенсаторного поведения, и меня это даже не удивляет, потому что в такой атмосфере, которую сейчас создал ее отец, нет ничего здорового. Я ловлю взгляд девочки и подмигиваю ей, пытаюсь натянуть добродушную улыбку.

Она не улыбается в ответ, только смотрит зачарованно. А мне, как бы ни хотелось с ней поздороваться нормально, все же пора, пока ее отец отвлекся и охрана еще не прибежала

и не скрутила мне руки.

Все, что могла, я сделала. Аньке не в чем будет меня винить.

Я медленно пячусь к двери, берусь за ручку, и... тут дверь резко распахивается, и я по инерции лечу прямо в грудь одного из охранников.

— О боже, — простанываю глухо, потирая ушибленный нос, пока чужие руки приводят меня в вертикальное положение.

— Отбой, — бросает Демидов за моей спиной. — Заведите ее.

Амбалы послушно заталкивают меня обратно в кабинет, будто в клетку к зверю. Я выдыхаю, сжимая кулаки, и красная пелена злости застилает мой взор, когда я яростно поворачиваюсь и собираюсь высказать этому самоуверенному тирану все, что думаю о его манерах, замашках и скотском обращении.

Но все слова застревают в горле, когда я вижу, как сидит перед дочерью на корточках, что-то мягко у нее спрашивая. Он так на нее смотрит... отчаянно и с болью. Это резонирует с тем, как он вел себя всю нашу встречу, и я в этот момент не позволяю себе вмешаться, перетянуть внимание на себя даже ради того, чтобы сказать ему, какой он агрессор.

Его дочь не отвечает ему ни словами, ни взглядом: все ее внимание приковано ко мне. Я, замерев, смотрю в ответ.

Девочка переводит взгляд на отца, тычет в меня пальчи-

ком, потом в блокнот, пытаюсь без слов донести что-то. Она не разговаривает? Я хмурюсь, пытаюсь понять, что происходит. Сердце неприятно сжимается. Внутри все резко перестраивается. Ситуация, которая еще секунду назад казалась мне просто идиотской, внезапно обретает совсем другой оттенок.

Демидов кивает ей, а потом смотрит на меня. Он выглядит немного растерянным, но в его тяжелом взгляде, который придавливает меня, я вижу зреющую решимость, которая мне совсем не нравится. Он неторопливо поднимается и направляется ко мне.

Я крепче цепляюсь за лямки шопера, до боли стискивая ткань и чувствуя, как немеют пальцы. Он подходит почти вплотную.

— Как тебя зовут? — наконец спрашивает он почти почтительно, но с требовательными нотками.

— Варя... Варвара Алексеевна, — тут же исправляюсь, будто отчество может добавить мне веса в его глазах.

Демидов смотрит на меня еще секунду, словно взвешивает что-то внутри себя, а затем бесцветно произносит:

— Будешь няней вместо Смирновой, — выдает тиран, как будто это уже свершившийся факт.

Пауза.

Чего, блин?

— Эм... нет, — я даже нервно усмехаюсь, не веря, что мне правда приходится это озвучивать. — Я не ищу работу.

Анна сможет прийти буквально через пару дней.

— Меня не волнует Анна, — бросает Демидов и, потеряв ко мне интерес, возвращается к столу. — Ты слышала, Варвара Алексеевна? Работать будешь ты.

Я стою, не в силах сдвинуться с места. Мне кажется, что я ослышалась. Или что это какой-то особенно тупой розыгрыш. Или что я, пока ехала сюда, попала в альтернативную реальность, где решения о трудоустройстве вдруг начали принимать без согласия работника, а возражения считаются белым шумом.

Но Демидов, судя по всему, предельно серьезен. Потому что через секунду он нажимает кнопку вызова, и в кабинет входит красивая строгая девушка, которую я встретила рядом с кабинетом. Она же меня сюда и пригласила войти и сейчас смотрит на своего босса, ожидая распоряжений.

— Лиза, подготовь Варвару Алексеевну к подписанию всех документов для работы на меня. И вызови машину.

В голове вовсю воет сирена, сигнализируя об опасности и полнейшем абсурде.

— Иди, — бросает Демидов.

Не сразу понимаю, кому именно адресовано это короткое распоряжение мне или секретарше, но я пользуюсь случаем и поспешно выхожу вслед за ней.

— Послушайте, Лиза, это какое-то недоразумение. — Я оборачиваюсь на закрывшуюся дверь и иду вслед за ней. — Я не соглашалась на эту работу. Вы уж извините...

Оставив девушку возле стола, за который она нырнула, я делаю несколько шагов в сторону выхода, но снова едва не утыкаюсь носом в чужую массивную грудь. Вскидываю взгляд и вижу того же охранника, который ворвался в кабинет. Он медленно качает головой из стороны в сторону, давая понять, что никуда я сейчас не уйду.

Я порывисто оборачиваюсь, чтобы потребовать у Лизы сделать что-то, чтобы этот бугай позволил мне уйти, но она с холодной улыбкой смотрит на меня и протягивает документы:

— Боюсь, никакого недоразумения нет, Варвара. Первое, что вам нужно подписать прямо сейчас — это соглашение о неразглашении.

Глава 2

Варя

Я на автомате беру документы, читаю пару раз. Ответственность здесь заложена такая, что только идиот добровольно подпишется на подобную хрень. Меня как будто хотят принять в секретное государственное подразделение, а не устроить няней.

Анька, блин, в какое дерьмо я вляпалась вместо тебя?

Интересно, она на каждой работе ставила подпись под такой бумажкой? Очень сомневаюсь. Иначе не смогла бы потом с таким азартом пересказывать мне особенности чужих домов, странности работодателей, бытовые привычки богатых семейств и прочее грязное белье.

Я нервно запускаю пальцы в волосы.

Аня два года пахала няней на подработках, собирала рекомендации, опыт, отзывы, чтобы в итоге устроиться с проживанием в хорошую, обеспеченную семью и наконец-то уйти из школы. Демидов казался ей лотерей и только поэтому я решилась потратить свое время и помочь.

Ага! Теперь я вообще не понимаю, что происходит. Точнее, понимаю только одно: меня, похоже, удерживают силой.

Или еще нет?

Или шанс смыться все-таки имеется?

— Лиза, — осторожно зову я, дожидаясь, пока невероятно занятая секретарша закончит что-то печатать и соизволит поднять на меня взгляд. — Я не буду ничего подписывать и хочу уйти.

Она окидывает взглядом протянутые ей назад документы и вздыхает, едва не закатывая глаза.

— Варвара, я по-моему ясно вам разъяснила, — ровным усталым голосом говорит она. — Подписывайте. И я немного расскажу вам об обязанностях. Машина подъедет через десять минут.

— Вы не поняли?

— Это вы не поняли, — жестко перебивает она, и в ее интонации вдруг появляется сталь ну точь в точь как у ее начальника. — Через десять минут вы уедете отсюда вслед за Олегом Александровичем.

Ага, хрена с два, мымра бессердечная. Я резко бросаю документы на стол, не собираясь больше принимать участие в этом цирке.

— Всего доброго!

Решительно иду к лифту, но путь мне преграждает тот же охранник. Я вскидываю на него сердитый взгляд, но у него такое лицо, на котором ясно написано, что слово «диалог» ему незнакомо.

— Отойдите, — приказываю ему гневно.

Ему абсолютно пофиг, Лиза тяжело вздыхает на заднем плане. Так, ладно, надо поговорить с Демидовым еще раз.

Стоит мне только подумать об этом, он выходит вместе с дочерью, держа ее за руку. Девочка смотрит в пол, Демидов на секретаршу, игнорируя тот факт, что я маячу рядом с лифтом.

— Все готово? — уточняет он, и Елизавета, поджав губы, качает головой.

Демидов поднимает взгляд и пересекается с моим, сталь в его глазах заставляет думать, что с ним диалога тоже не случиться.

Анька, ты даже не представляешь, от чего тебя судьба уберегла таким стремным способом.

Елизавета складывает документы, что я бросила ей, вместе с еще какими-то в одну папку и протягивает их Демидову.

— Отчет от Службы безопасности будет через пару часов. Демидов кивает.

— Перенеси все встречи на понедельник и можешь быть свободна.

Елизавета прощается с ним, а Демидов уже ведет дочь к лифту, игнорируя любые мои попытки воззвать к его здравому смыслу. Я замираю у дверей, куда меня не пускает охранник, и, пока створки закрываются, смотрю в равнодушные серые глаза мужчины.

Едва лифт уезжает, охранник снова жмет на кнопку и обращается ко мне.

— Пойдемте, Варвара Алексеевна.

— Куда?

— На работу, куда, — хмыкает он и берет меня под локоть.

Он раза в полтора выше меня и раза в четыре шире, но я выворачиваю руку и отпрыгиваю.

— Отошел, — выкрикиваю строго и угрожающе тычу пальцем.

Он смотрит на мой палец с выражением глубочайшей скуки.

— Ну что, мне бегать за вами, что ли? — устало разводит руками. — По-хорошему или по-плохому, но пойдете же со мной.

— Ага, разбежалась.

Охранник картинно закатывает глаза и с небывалой для его комплекции прытью подлетает ко мне и захватывает в кольцо рук.

Ну уж нет! Не на ту напал.

Начинаю брыкаться, дергаться и затылком так въезжаю громиле по носу, что слышу его хруст. У самой, правда, чуть ли не звезды перед глазами сыпятся, но главного я добиваюсь — он меня отпускает.

Бросаюсь к двери на лестницу, но не успеваю ее даже толкнуть, как громилка снова настигает меня. Подхватывает, как пушинку, и перекидывает меня через плечо.

Я истошно ору, матерюсь и стучу его по спине, но все бесполезно. Так мы спускаемся на подземную парковку, и он кида-

ет меня на заднее сиденье стоящей прямо у выхода из лифта машины.

— Слушай, Варвара Алексеевна, — раздраженно гундо-сит он, не обращая внимания, что кровь заливает ему всю нижнюю половину лица. — Либо ты успокаиваешься, либо я тебе вколю кое-что. Сладко проспишь пару часов, но голова потом болеть будет знатно.

Я замираю. Головной боли не боюсь, но вот быть без сознания, пока тебя похищают, это совсем плохо. Медленно кивнув, я выпрямляюсь на заднем сиденье машины.

— Сумку отдайте, — протягиваю руку, но он игнорирует, только весело хмыкает от сказанной глупости.

Сжимаю зубы и устраиваюсь посередине, заметив, что водитель невозмутимо смотрит вперед, пока дожидается, когда громила обойдет машину и сядет.

Щелкают замки, и автомобиль сразу мягко трогается с парковки. Мужчины переговариваются, в основном водитель подтрунивает над охранником, что он получил по носу от девчонки, а тот только огрызается.

Я напряженно всматриваюсь, куда же мы едем. Город остается позади. А мы продолжаем ехать на север.

На приборной панели я отслеживаю время. Три гребаных часа, и мы съезжаем на какую-то грунтовую дорогу и еще десять минут едем по лесу. Начинаю сомневаться, что меня не убьют сейчас посреди этого леса.

Когда паникой едва не довожу себя до удушья, перед нами

возникают ворота и высокий забор. А потом машина проезжает по подъездной дорожке к невероятно красивому, двухэтажному дому, хотя язык не поворачивается назвать этот особняк просто домом.

Дверь мне открывает другой охранник и еще смеет мило улыбаться, пока я прирастаю к сиденью, теперь уже не желая вылезать.

— Выходите, Варвара Алексеевна. Я отведу вас в вашу комнату.

Не двигаюсь.

— Да нечего нас бояться, — говорит он с легкой усмешкой и тут же противоречит себе, хватая меня лапищами, чтобы вытащить из машины.

У него это получается сделать с отточенным умением.

— Не трогай меня! — верещу, отмирая, и, ударив гада в голень, уворачиваюсь от его хватки и начинаю истошно орать: — Помогите! Помогите мне кто-нибудь. Меня похитили...

Мужчины по периметру, человек десять, смотрят на меня, как на клоуна, посмеиваясь. На помощь никто не бросается, зато оклемавшийся охранник сковывает меня по рукам и ногам и пыхтит.

— Да перестаньте же дергаться, господа!

Не тут-то было, я пускаю в ход все: ногти, зубы, пока его захват не перекрывает дыхание.

— Варвара Алексеевна, — говорит с укором, — ну вы вы-

бирайте... я вас могу на руках отнести, как мешок с картошкой, или сами пойдете, м?

— Сама, — хриплю, и он разжимает руки, а я наконец делаю полный вдох.

— Ну и хорошо, — улыбается он.

Я поднимаю на него взгляд, замечая три царапины на щеке от своих ногтей и укус на руке. Так тебе, козлина!

Осматриваю огромную площадь, пытаюсь запомнить расположение охраны. Бугай тем временем подталкивает к дому.

— Проходите, не стесняйтесь.

Приходится подчиниться и идти под конвоем, бегло осматривая шикарное и продуманное убранство дома. В другой раз я бы восхитилась такими интерьерами, очень любила я красивые жилые пространства, но сейчас просто отмечаю: лестница, дверь, второй этаж, коридор.

Мой личный конвоир приводит меня в комнату и пропускает вперед.

— Тут и будете обитать. Пока отдохните, Олег Александрович как будет готов, я за вами приду, — говорит он спокойно, осматривает меня с ног до головы и добавляет: — За этой дверью будет стоять охрана, под окном тоже. Сразу предупреждаю, чтобы не тратили силы на попытку побега. Делайте, как вам говорят, и все будет хорошо. Меня, кстати, Евгений зовут, буду теперь с вами постоянно.

Он еще смеет мне улыбнуться перед тем, как захлопнуть

дверь прямо перед носом. Я слышу два поворота ключа, но на всякий случай подлетаю и нервно дергаю ручку. Конечно, заперто.

Направляюсь к окну и распахиваю его, высовываясь наполовину, чтобы оценить высоту — вполне нормально, можно прыгать.

Но есть одно «но». И оно, положив одну руку на кобуру, машет мне другой, в которой держит рацию.

Захлопываю окно и охреневаю.

Вот это я попала!

Глава 3

Варя

Аня меня наверняка уже потеряла. И я даже не могу узнать, как она себя чувствует сейчас.

Я нервно меряю комнату шагами, стараясь убедить себя, что ничего по-настоящему страшного со мной не произошло. Едкий голосок шепчет: «пока», и я захожусь по новой.

Но если подумать хладнокровно, меня ведь не собирались убивать, калечить или шантажировать. Они просто очень сильно хотели, чтобы я у них работала няней. И если я соглашусь и буду делать свою работу хорошо, то ничего плохого и не случится.

Верно же? Верно.

А дальше можно будет освоиться, оглядеться, дожждаться момента, когда бдительность спадет, и тогда... Сбежать, например. Или убедить их, что я бесполезна. Или дожждаться, когда все это закончится само.

С этими мыслями становится немного легче, тревога свои тиски, и на ее место осторожно пробирается любопытство. Я начинаю осматриваться внимательнее и неожиданно ловлю себя на том, что интерьер комнаты действительно впечатляет.

Ар-деко — стиль, который я прежде видела разве что в

Пинтересте. Здесь все выглядит дорого, продуманно, без вычурности, но с безошибочным вкусом.

За дверью обнаруживаю гардероб, из него я попадаю в просторную ванную, и мне едва удастся не издать неприлично восторженный звук, настолько все вокруг отличается от моей привычной, простой жизни.

Я так увлекаюсь рассматриванием деталей — камня, зеркал, света, — что не сразу замечаю Евгения, который появляется в дверях гардероба. Несмотря на расцарапанное мной лицо, он улыбается спокойно и даже добродушно, словно мы знакомы уже не первый день.

— Пойдемте, Варвара Алексеевна, босс ждет.

Я бросаю взгляд в зеркало и зачем-то наскоро пытаюсь пригладить непослушную копну волос, которая сейчас настолько взлохмачена, будто меня ударило током. Глаза блестят слишком ярко, отчего они кажутся еще зеленее обычного.

Есть большая вероятность, что Демидов подумает, будто я не в себе, не подпустит к дочери и просто отправит меня домой. Неплохой получился бы расклад. Тут же возвращаю хаос на голове на место.

Послушно иду за Евгением на первый этаж. Длинный коридор, поворот, и он ободряюще улыбается, приоткрывая дверь в кабинет своего босса, пока я бросаю хмурый взгляд на этого огромного мужчину. Он бы мог мне понравиться, у него добрая улыбка, но так как ему тут выделена роль моего

личного конвоира, пусть даже не рассчитывает.

В кабинете полумрак, запах табачного дыма смешивается с древесным и чем-то дорогим. Не знаю, как я определяю дороговизну по запаху, но этот аромат ни с чем не спутать. Здесь много книг, деревья и есть настоящий камин. Я впервые в жизни вижу камин своими глазами. Свет настольной лампы и нескольких бра выхватывает из полумрака фигуру Демидова, который сидит за столом, откинувшись в кресле.

— Проходи и садись, — говорит он спокойно, не поднимая взгляда от какого-то документа. В другой руке дымится сигарета.

Негромкий, бархатный баритон пробирает до дрожи. Когда он не пылает злостью, его голос звучит приятно. Пиджак снят, галстук ослаблен, светлые волосы взъерошены и падают на лоб, на носу очки.

Демидов выглядит так... я подыскиваю слово, чтобы не окрестить его красивым. Необычно. Пугающе. Опасно. Волнующе. Решительно. И масштабно. Это большой кабинет, но кажется, что он заполняет своим присутствием все пространство.

В моем окружении мужчины не выглядят так, не обладают таким взглядом и голосом. А подобные классические костюмы ни на одном из них никогда не сидели так идеально. Скорее либо висели, как на вешалках, либо расходились в районе живота.

Поняв, что я так и стою на месте, он поднимает голову,

медленно выпускает дым и скользит по мне взглядом.

— Проблемы?

Да, черт возьми, еще какие!

— Н-нет.

— Тогда садись, — он указывает на кресло рядом со столом и следит за каждым моим шагом, словно хищник, наблюдающий за тем, как жертва идет в ловушку. — Виски?

А вот это идея, но...

— Нет.

Сажусь в невероятно удобное кресло и не сдерживаю блаженного выдоха, заставляя Олега снова поднять на меня вопросительный взгляд.

— Мягкое, — поясняю я, глуповато улыбаясь, а потом отворачиваюсь, начиная чрезмерно внимательно рассматривать интерьер.

Еще пару минут он дочитывает бумаги, затем откладывает их, и мой взгляд невольно цепляется за один из листов. Там моя фотография.

Ну приехали, это что, какое-то досье на меня?

— Я должен знать, кто будет постоянно находиться рядом с моей дочерью, — поясняет он, заметив мой взгляд.

— Я не рвалась, — произношу возмущенно. — Напомню, что это моя подруга желала больше жизни у вас работать. И ради нее я появилась у вас в кабинете.

Демидов затягивается, спокойно выслушивая мои объяснения с повышенной эмоциональностью.

— Понимаю. Ты работаешь в школе?

— Да, в школе. И я люблю свою работу, — подчеркиваю.

— Другую не ищу. Тем более не хочу иметь ничего общего с людьми, которым нужна моя проверка в Службе безопасности.

— Варвара, — произносит он, останавливая мой поток речи. — Я понимаю, как это выглядит для тебя. Но моей семье неоднократно пытались навредить. Проверка и охрана — необходимая мера.

Демидов делает глоток темной жидкости из рокса, а я прищуриваюсь.

— Но все же... Почему я здесь? И что вам от меня нужно?

— Потому что моя дочь впервые за день обратила внимание на няню, которой предстоит с ней работать. И впервые за три месяца отчаянно пыталась что-то произнести, попросить.

Прокручиваю тот момент в голове и хмурюсь. Тогда это не казалось чем-то необычным, если, конечно, не знать, что у ребенка проблемы.

— Так вы что, привезли меня сюда как большую куклу для вашей дочери? — от возмущения мой голос подсакивает на пару тонов.

— Нет, — криво усмехается он. — Я хочу, чтобы ты была с ней рядом в роли няни и попыталась найти общий язык, вывести ее на контакт.

Наклоняю голову, раздумывая. У меня не было опыта ра-

боты с трудными детьми. Да, я учитель начальных классов, заканчивала магистратуру по детской психологии. Но это все слишком другое.

— Что она вам сказала?

— Ничего. Она пыталась сказать, пыталась донести что-то... Ты чем-то ее задела. Попала в образ ее любимой героини, судя по всему. Мерида, кажется...

При этих словах он окидывает меня с ног до головы снисходительным взглядом. Да, я выгляжу не как его секретарша, мне на работе хватает официальных образов. Я сегодня, наверное, похожа на светофор: желтый топ, розовый комбез и растрепанные рыжие волосы. Демидова мой образ явно не впечатляет.

Я же от его слов офигеваю еще сильнее. Нет, он точно псих. Его дочь просто указала пальцем на человека, и он этого человека запихнул в машину и увез куда-то к черту на кулички.

Должно быть, на моем лице отображается все, что я думаю об этом, потому что он поджигает губы и говорит:

— Ты же все равно искала подработку на лето. Я не прав?

И откуда он знает, интересно? Опускаю взгляд на свое досье. Там и такое есть?

— Но не няней. Мне ответственности по горло хватает в школе, — выдаю раздраженно, и он вскидывает брови. Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. — Ладно, рассказывайте. Что с вашей дочерью? Почему она молчит?

Демидов склоняет голову, в серых глазах мелькает сомнение, он будто раздумывает, стоит ли мне говорить, учитывая, что я еще ничего не подписала, и наконец выдает:

— На глазах Алисы убили ее мать.

Глава 4

Олег

Смотрю на это цветное недоразумение, которое совсем не желаю подпускать к своей дочери, и раздумываю, стоит ли ей что-то сейчас рассказывать. Честно, я бы ни за какие рекомендации не уделил внимание такому человеку, как она. Невоспитанная, молодая, громкая, наглая, не очень умная, судя по всему.

Но Алиса... Алиса впервые самостоятельно проявила интерес. А потом пыталась объяснить, так отчаянно пыталась сказать. Ради такого я готов был выдержать кого угодно. Повезло еще, что у этой Варвары хоть образование есть. Это тот шанс, который я не мог упустить.

— На глазах Алисы убили ее мать, — выдаю наконец, понимая, что деваться некуда.

Варвара давится воздухом и бледнеет на глазах. Смотрит огромными глазами, ожидая, что я скажу, что пошутил. Даю ей время переварить. Поняв, что я серьезно, она просит:

— Можно мне виски?

Это настолько неожиданно, что я на мгновение замираю, а потом усмехаюсь. Пока она обдумывает информацию, подхожу к бару и наливаю ей немного крепкого алкоголя в рокс. Возвращаюсь к ней, внимательно следя за ее реакцией. Она

выхватывает стакан и осушает парой глотков. Мои брови против воли ползут вверх. Нихрена себе, даже не закашлялась.

— Кто это сделал? — слышу вопрос в спину, пока доливаю себе.

А вот это тебе знать пока необязательно.

— Враги, — отвечаю сухо и оборачиваюсь, прислонившись бедрами к комоду.

— Соболезную.

— Благодарю, — не удерживаюсь от иронии в голосе.

Она хмурится.

— После этого все изменилось. С Алисой работают специалисты, в последнее время мы добились больших улучшений, она почти стала прежней.

Почти... Сжимаю челюсть, подавляю ту неконтролируемую волну злости, что испытываю по отношению к этой ситуации.

— Но?

— Но она не говорит. Все еще погружается в себя, чаще всего рисует или может сидеть и смотреть в одну точку. Слабый интерес к окружающему миру. Ее можно вытаскивать из этого состояния, но сама она пока большую часть времени пассивна.

На лице Варвары вижу сочувствие. Что ж, ей хотя бы не пофиг. Это уже хорошо.

— Теперь понимаешь, почему я не могу тебя отпустить?

— смотрю на нее в упор, приподнимая бровь.

— Да, — она задумчиво кивает, закусив губу, потом поднимает взгляд: — И насколько я здесь?

— Посмотрим.

— У меня отпуск заканчивается десятого августа, — возмущение опять сквозит в голосе.

— Не гарантирую, что ты будешь свободна к тому времени.

— Это моя работа, — сводит брови.

— Теперь моя дочь — твоя работа, — говорю с угрозой, чтобы уже дошло до нее наконец. — И в твоих интересах делать ее качественно.

— То, что она на меня среагировала, не значит, что я ваша волшебная таблетка, — спорит рыжая, игнорируя мой тон.

— Варвара, — тяну раздраженно, прищуриваясь. — У тебя нет выбора.

— Я это отлично усвоила за сегодняшний день, — огрызается и зло поджимает губы, сверкая взглядом зеленых глаз.

— Вот и хорошо, — заключаю я и иду к столу, чтобы достать документы и уже закончить с этой раздражающей особой. Бросаю их ей. — Прочитай и распишись. На последних страницах расписание Алисы, ее распорядок дня. Тебе нужно следить за тем, чтобы она посещала все занятия, заниматься ее досугом, гулять, кормить.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд. Нет, у нее напроць, видимо, отбито чувство самосохранения. Но, благо,

додумывается заткнуться и начинает читать договор.

На несколько минут кабинет погружается в тишину. Пока жду, закуриваю и отхожу к окну, открыв створку. Смотрю на газон, своих людей, что охраняют этот дом. Да, пришлось усилить охрану, увезти ребенка из города, изменить свою жизнь. Вот что бывает, когда начинаешь мешать влиятельному человеку без принципов, а внутри семьи заводится предатель.

— Не пойму, что значит формулировка *«выполнять все требования, если они, по мнению работодателя, направлены на обеспечение безопасности подопечной, даже если напрямую с ней не связаны»*?

Оборачиваюсь к ней. Варвара выжидающе на меня смотрит.

— Это значит, что тебе может поступить приказ любого рода. Ты можешь его не понимать, но должна выполнить.

— Чего-о? — тянет она, и я понимаю, что ее недалекий мозг интерпретировал мои слова в ином ключе.

— Приказы в твою сторону будут касаться только Алисы, — поясняю. — Даже если таковыми не кажутся. И ты обязана без вопросов им следовать. Иногда времени на споры просто не будет. Понятно?

— Не очень, — буркает она под нос.

Я тяжело вздыхаю. Вот поэтому я предпочитаю иметь дело с профессионалами.

Спустя полчаса Варвара заканчивает читать, а вероятнее

всего, перечитывать договор в десятый раз.

— Если все понятно, подписывай, — потарапливаю я, устав от ее тяжелых вздохов. — Учти, что после завершения своей работы ты все так же не имеешь права о ней распространяться. Никогда. И никому.

Она нервно облизывает губы и, качая головой, словно в неверии, берет ручку и ставит подписи в нужных местах. Она выглядит немного растерянной и оттого кажется совсем юной. Двадцать три года. Со своих тридцати трех она кажется мне несмысленным ребенком. И этого ребенка я подпускаю к своему ребенку. Пиздец, я докатился.

Варвара встает, дерганно поправляя свой ужасный комбинезон.

— Это все? Или будут еще какие-то напутствия, босс? — едко спрашивает она.

— Завтра утром познакомлю тебя с Алисой, — игнорирую ее тон только потому, что она дико меня утомила.

— Верните мне мой телефон и сумку, — требует наглая няня и добавляет: — Мне же надо будет делать фотоотчет как-то.

Приподнимаю бровь, сканируя ее взглядом. До чего же дурная. Впрочем, лишать ее связи я не собирался. Беру с тумбочки ее сумку и кидаю ей без церемоний. Она ловко ловит.

— Мне нужно напоминать тебе не делать глупостей? — уточняю спокойно.

— Не стоит.

— И о том, что от меня не убежать?

— Я поняла уже.

Усмехаюсь. А может, и не такая уж глупая?

— И еще, Варвара... — останавливаю ее, когда она уже собирается уйти. Она оборачивается и приподнимает брови.

— Перестань калечить моих людей.

Вижу, как ее губы дрожат в едва сдерживаемой улыбке.

— Постараюсь, — кивает она.

Пару мгновений смотрим друг на друга. Она прямо в глаза, не отводит взгляд.

Я едва заметно киваю на дверь.

— Иди.

Глава 5

Варя

Ну и дела!

Вот так живешь свою простую жизнь, никого не трогаешь, а потом в один момент все меняется. И ты оказываешься в чужом доме, где-то в лесу, чтобы исполнять роль куклы, замаскированную под работу няни.

Нет, на Алису я не злюсь, ребенок точно ни в чем не виноват. Только на Демидова за то, что он просто позволяет себе такое обращение. Не приемлет диалога, а только прогинает, заставляет и угрожает.

Наверное, так принято в этом его мире, где приходится окружать дом охраной, ездить везде тоже с охраной и где твою жену могут убить какие-то враги. Еще и на глазах дочери.

В голове не укладывается, что такое может быть в реальности. Я человек очень простой и далекий от таких страстей. Когда у нас в деревне желали недоброе, втыкали иголку в косяк, помои выливали под забор, корове желали сдохнуть. Ну максимум, чтобы дом сгорел...

А в мире Демидова убивают людей. Меня пробирает до дрожи, и я передергиваю плечами.

От договора, который я подписала, вообще волосы дыбом.

Даже в пределах особняка передвигаться с охраной, не оставлять ребенка без присмотра, фиксировать каждый выход, согласовывать поездки, фотоотчет в течение дня. Не отходить от Евгения.

Это блин режим какой-то!

И платит Олег Александрович за все это просто космическую сумму. Анька работала с разными элитными клиентами и всегда делилась тем, сколько получает, желая соблазнить меня деньгами и вытащить из школы, где, по ее словам, я работала за спасибо, поэтому я понимаю, что мне собираются платить гораздо больше среднего.

Сдается мне, что такие деньги за просто работу няни не дают. Это меня тревожит, но поделаться я ничего все равно не могу. Просто нужно быть осторожной.

Евгений открывает мне дверь в комнату и пропускает внутрь. Бросаю на него недовольный взгляд.

— А кто мне мои вещи может привезти из города? Или я могу сама за ними съездить?

— Сами не можете, Варвара Алексеевна, — сходу воодушевляет мужчину и растягивает губы в белоснежной улыбке. Все-таки Евгений красавчик. Такой вежливый, да еще и симпатичный. — Но если напишите список всего, что вам нужно, и где это все лежит, то я сегодня ночью съезжу в город и все вам привезу. Если чего-то нет и нужно купить, напишите еще один список, завтра передам кому-нибудь из парней. Они смотаются в ближайший магазин.

Киваю ему и прохожу в комнату. Евгений аккуратно прикрывает за мной дверь, и я выдыхаю, осматриваясь еще раз. Теперь мне предстоит жить тут пару месяцев, надеюсь, не больше. Все же я очень хочу вернуться на работу, которую выбрала сама, и забыть время с семьей Демидовых как страшный сон.

Единственное, что после такого «отпуска» мне, скорее всего, потребуется еще отпуск. Но жаловаться я не привыкла. Справлюсь. Теперь главная цель — Алиса. Нужно помочь девочке всем, чем смогу.

К тому времени, как я заканчиваю писать для Евгения подробный гайд по сбору моих вещей, он стучится ко мне в комнату и заходит с подносом в руках, от которого исходит просто потрясающий аппетитный аромат.

— Наверное, проголодались? — усмехается он, ставя на стол передо мной.

Ну до чего лапочка, а. Такими темпами я не смогу долго на него злиться. Вот так и начинает проявляться стокгольмский синдром, да?

— Спасибо.

— Няписали?

— Написала, — протягиваю ему лист, пока желудок предательски громко урчит.

Евгений бегло просматривает список и кивает.

— Утром все будет. Вы как поедите, поставьте поднос за дверь, я ночью приеду, заберу.

Провожая его широкую фигуру взглядом, пока он не скрывается за дверью. Поворота ключа не слышу.

Теперь, когда документы подписаны, меня, наверное, и нет смысла закрывать. Мне теперь все равно никуда не деться.

Вздыхаю и, чтобы улучшить себе настроение, налетаю на ужин. Не знаю, кто у них тут готовит, но это просто пальчики оближешь. Параллельно пытаюсь разобраться в тысяче сообщений и пропущенных звонков от Ани. Это хороший знак, значит, она уже не умирающий лебедь.

Набираю ей, и она отвечает в ту же секунду.

— Я тут уже все передумала. Ты офигела так пропадать? — слышу в трубке разгневанный голос.

— Прости, — говорю с набитым ртом. — Была очень занята. Устраивалась на работу вместо тебя.

Повисает молчание. Буквально вижу Анькино офигевшее лицо.

— Рассказывай.

— А я не могу ничего рассказывать. Подписала NDA, — мой голос так и сочится раздражением. Я вздыхаю, в очередной раз напоминая себе, что Аня не виновата. — Подруга, в общем. Тот твой вдовец, у которого ты мечтала работать и за которого хотела выйти замуж... Он, видимо, очень сильно нуждался в няне здесь и сейчас. Меня просто поставили перед фактом и, так сказать... устроили на работу.

— Как такое возможно? Ты прикалываешься, что ли? —

после нескольких мгновений молчания спрашивает она, и я слышу обиду в ее голосе. — Почему ты не отказалась? Думаешь, я не знаю, какая ты можешь быть невыносимая, когда тебе что-то не нравится?

— Я отказывалась... — заставляю себя заткнуться. Наверное, про борьбу с охранником тоже лучше не распространяться. — Всеми силами, но... В общем, не получилось.

— И что, теперь ты работаешь на моем месте?

Вздыхаю.

— Да. И мне не нравится. Ань, я где-то у черта на куличках. Здесь охрана и очень сложный ребенок. А еще этот твой Демидов редкостный урод. Ну не в плане внешности... а в целом.

Аня молчит.

— Ань, ну ты обиделась, что ли?

— Я попросила тебя туда пойти, чтобы перенести мое собеседование... чтобы ты защитила мои интересы, и это место не пропало. А что в итоге? Ты просто украла мою работу на которую у меня было столько планов!

Я перестаю жевать.

— Ань, да я не крада ничего... Ты меня вообще слушаешь?

— А как, по-твоему, это выглядит? Я не ожидала от тебя такого, — ее голос дрожит.

— Ань, послушай...

Замолкаю, потому что вызов сбрасывается. Ну здрасти,

приехали! Теперь я еще и виновата. Долбанный Демидов. Вот надо было ему появиться в моей жизни?

Аппетит пропадает. Пишу Ане огромное сообщение с обтекаемыми объяснениями. Она читает, но не отвечает.

Дам ей время до завтра и попробую еще раз поговорить. Вот только проблем с единственной подругой мне не хватало на фоне всего этого.

Утром по привычке просыпаюсь рано. Еще не успела перестроиться на излюбленный ночной график, а теперь, видимо, и не светит. Мгновение не понимаю, где нахожусь, но события прошлого дня довольно быстро всплывают в памяти. Перевернувшись на живот, утыкаюсь в подушку и издаю мучительный стон.

Натыкаюсь на телефон, с которым вчера уснула, ожидая сообщения от Аньки. Фокусирую взгляд на нашем чате — ничего.

Ладно, ей просто надо время осмыслить все. Уж слишком сильно она хотела работать няней с проживанием. Один из ее бывших клиентов дал ей рекомендацию, и она мечтала работать у Демидова. А еще мечтала стать его новой женой, как только узнала, что он вдовец. Ага, знала бы она, что случилось со старой, может быть, и не была бы так расстроена, что план не сработал.

Взгляд падает на сумку рядом с дверью. Евгений честно выполнил поручение. Всю ночь, что ли, потратил, чтобы привезти мне вещи? Вот это мужик, я понимаю.

Фыркаю, представив, как он шарился по ящику с нижним бельем и искал в прикроватной тумбочке моего неизменного «пингвина», и ничуть не испытываю стыда. Он сам напро-
сился.

Судя по расписанию Алисы, у меня до ее пробуждения еще полтора часа, поэтому я неспешно принимаю душ, переодеваюсь и иду искать кухню в дикой потребности выпить кофе.

В доме царит полумрак и тишина. Спускаюсь на первый этаж, прислушиваюсь, где-то вдалеке различаю музыку и шум.

Вскоре нахожу кухню, где вижу миловидную низенькую женщину лет сорока, которая порхает у плиты. Она замечает, что я мнусь у порога, и улыбается:

— О, ты, должно быть, новая няня?

А слухи тут разносятся быстро.

— Да, Варя.

— Милана, — представляется она, ни на секунду не останавливаясь готовить блинчики. Блин, как пахнет-то. — Завтрак уже готовится. Сегодня по расписанию пшенная каша. И блинчики для Олега Александровича. Будешь тоже?

— Буду конечно. А кофе тут имеется?

Милана указывает лопаткой на кофемашину.

— Естественно. Сама сделаешь?

Киваю и, выбрав нужный режим, наблюдаю за тем, как живительный напиток наполняет мою чашку. А пахнет-то как, м-м-м...

— Ох, надеюсь, поест Алиска, а то трудно у нее с этим. Вот хоть пляши тут для нее, поняла, Варя?

Бросаю косой взгляд на Милану. Вот это у нее запросы, конечно. А сама-то плясала хоть раз?

Молча беру свой кофе и сажусь за кухонный остров, где Милана уже поставила для меня блинчики и плошку с вареньем и сметаной. Вообще с утра я не разговорчива, мне бы помолчать, почитать, но Милана не отстает.

— Няни тут долго не задерживаются в последнее время, — обнадеживает она меня. — Бестолковые какие-то. Алиска сейчас тихая и послушная. Делай все, что говорят, так нет же...

И все? Хочется узнать, видела ли она расписание Алисы? Не удивительно, что запутаться сначала можно. Впрочем, сдается мне, что со мной такой способ избавления от работы не прокатит.

— А давно ты тут работаешь? — обращаюсь неформально, так как она уже задала тон.

— В семье Демидовых уже третий год, а в этом доме три месяца. Нас перевезли сюда после трагедии. Бедная девочка, такое пережить в ее-то возрасте...

— И ты теперь постоянно живешь здесь? — спрашиваю

удивленно, не в силах уложить в голове, что она безвылазно обслуживает чужую семью.

— Ну, Олег Александрович отпускает домой иногда, а так да. Но это временно. Вот все устаканится, будет как было.

— Семья не скучает?

— У меня детям одному восемнадцать, второй девятнадцать. Так что им не до матери. А сама понимаешь, поднимать их непросто. Я одна. Поэтому не выкаблучиваюсь. Олег Александрович не обижает зарплатой.

Понимающе киваю. У меня мама так же меня поднимала одна. Правда, мы в деревне жили, свое хозяйство имели, и никто нам, кроме друг друга, был не нужен.

— А ты знаешь, что вообще произошло?

Она прищуривается и осматривает меня внимательно.

— Если Олег Александрович не рассказал, то и мне не стоит тут языком чесать, — задумчиво произносит и отворачивается к плите.

Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Ну конечно, великий секрет, если все вокруг все знают. Достая телефон и открываю браузер, желая пробить своего работодателя хотя бы через интернет.

О нем мало информации. Нахожу заметку в прессе о трагедии, постигшей бизнесмена Демидова, где грабители влезли в квартиру, в которой оказалась Екатерина Демидова. Хм, разнится, конечно, с той информацией, что я имею. Больше ничего не нахожу, допиваю кофе и жду, когда босс позвонит

меня, чтобы нормально познакомить с дочерью.

От него приходит сообщение.

«Ты готова?».

Да он сама вежливость. Конечно, добрым утром в этом доме сложно назвать.

«Да», — отвечаю в его духе.

«Зайди в спортзал».

Спортзал? Не знаю, что меня удивляет сильнее: то, что у него здесь есть спортзал, или то, что он в семь утра способен в спортзале что-то делать. Спросив у Миланы дорогу, я уверенно иду в сторону его кабинета, но не поворачиваю в следующий коридор, а толкаю последнюю дверь и попадаю в... мать его, настоящий спортзал. Первое, что бросается в глаза, — не тренажеры и снаряды, а небольшой ринг, где Олег сейчас дерется с каким-то мужчиной. А еще двое сбоку сводят счеты с грушей.

Концентрация тестостерона зашкаливает, а блестящие от пота тела мужчин без футболок это не то, что ожидаешь увидеть в семь утра.

Я с трудом отмираю и прохожу вперед, палясь на своего полуголого начальника. Без одежды он выглядит внушительнее, когда все эти мышцы не спрятаны под деловой рубашкой. Легкая поросль светлых волос на груди притягивает взгляд, как и его пресс.

— Варвара, — окликает он меня раздраженно, и я выплываю из влажных фантазий. Поднимаю взгляд к его глазам, и

все очарование развитым мужским телом сходит на нет, когда встречаюсь с серым холодом его радужек.

— Звали? — вскидываю бровь.

— Познакомься. Игорь. Он тут главный по охране, — представляет он мне своего противника, не менее огромного накачанного мужика. Не люблю лысых, но этот симпатичный, с бородкой и темными глазами. И по традиции, именно в глазах проблема у здешних мужиков. Холодные, оценивающие, словно я насекомое, которое он раздумывает раздавить. А когда уголок его губ приподнимается в презрительной усмешке, по моей спине ползет волна неприятных мурашек.

— Варвара, — киваю ему. — Новая няня.

Он заканчивает обводить меня взглядом и усмехается.

— Новая няня, блядь. Слыхал?

— Это должна продержаться подольше, — бросает ему Олег, будто меня здесь нет.

— Ну пусть попробует, — Игорь подмигивает мне.

Ну и урод. И он, и босс его. Вскидываю бровь и отвечаю ему максимально презрительным взглядом.

— За тобой и Алисой всегда присматривает Евгений, но если что вдруг, ты можешь обращаться к любому из парней, — Олег кивает на остальных, и я снова перевожу на него взгляд. — Но Игорь тут почти всегда. Любая проблема, любое подозрение — сразу к нему, поняла?

Как же мне повезло-то, а...

Киваю. Олег спускается с ринга и снимает перчатки, отбрасывая их в сторону.

— Останься, Игорь проведет тебе инструктаж. Запиши все номера, что он даст, — Олег подходит ко мне и чуть насмешливо смотрит сверху вниз. — И не тупи, новая няня. Игорь не обладает таким терпением, как я.

Глава 6

Варя

Провожая взглядом широкую спину Демидова, который как ни в чем не бывало направляется к выходу из спортзала, и только когда дверь за ним закрывается, снова смотрю на его цепного пса.

Игорь берет с канатов полотенце, не спеша вытирает шею, потом лицо. Молча давит взглядом, выжидая чего-то. Но, в конце концов, отдает приказ:

— Телефон.

— Нет, — тут же отвечаю я. — Цифры и сама вбить сумею. Диктуй.

С выражением глубокого раздражения на лице он диктует свой номер, и я делаю дозвон. Игорь достает свой телефон, и мне в мессенджер начинает приходить одно сообщение за другим — он делится номерами.

— Это Женькин. Он всегда рядом. Когда не рядом, будь уверена, что поблизости. Его беспрекословно слушаешься. Не путай вежливость Жени со слабостью. Дурака из него делать не надо, а то знаю я вас... — снова презрительный смешок. — Дальше... Пост охраны. Водители. Один из парней медик. Так и пиши Паша-медик. Если что случилось, в скорую не думай даже звонить. Сначала мне. Меня нет — Па-

ше-медику. Поняла?

— Поняла, — киваю, сохраняя номер за номером.

— По территории и по дому ходишь без ограничений, но шибко свой нос не суй везде. Любопытных у нас тут не любят. К забору не подходить. За периметр даже не пытайся выбраться, парни разбираться не станут, кто там лезет — пристрелят. Поняла?

Бросаю на него сомнительный взгляд и киваю. Здесь диктаторский режим какой-то?

— Алиса из поля зрения не пропадает. Ты постоянно должна быть рядом. Надо в туалет — сказала Женьке. Пришли учителя ее — тоже доложила Женьке. Пока она занимается, ты где-то поблизости, — продолжает просвещать меня Игорь. — Тебе надо запомнить всю охрану. Здесь десять парней. Какая новая морда на территории — сразу доложила... Не думаешь, не анализируешь, не включаешь героиню. Просто сообщаем. Поняла?

— Мне бы старые морды запомнить, — бурчу я. — Поняла.

— Ты уж постарайся, няня, — Игорь вскидывает бровь и пронизывает темным взглядом. — Самодеятельность тоже не приветствуется. Любой из охраны выше тебя по рангу. Сказали идти — идешь. Сказали ждать — ждешь. Сказали молчать — рот закрыла и молчишь.

— Господи, как же вас всех здесь не долюбили в детстве, — качаю головой и тяжело вздыхаю.

— И мнение свое ценное засунь поглубже. Тебе важно не отвечать.

Улыбаюсь ему нарочито милой улыбкой.

— Спасибо за совет. Тебе, видимо, часто помогает.

Он делает пару быстрых шагов ко мне и останавливается в нескольких сантиметрах. Высокий, широкий, неприятно спокойный.

— Ты, я смотрю, не понимаешь, куда попала.

Вскидываю подбородок и без тени страха смотрю на него. Он меня что, ростом тут пугать вздумал? Пуганные мы такими, знаем.

— Я-то все понимаю. А вот ты, боюсь, попутал, с кем говоришь. Я не мальчик из твоей охраны и не девка панельная. Со мной в таком тоне говорить не надо, это уяснил? В следующий раз, если захочешь донести до меня какую-нибудь информацию, потренируйся с зеркалом для начала.

Игорь усмехается, отходит от меня наконец и берет бутылку воды. Делает пару огромных глотков и усмехается.

— А ты, я смотрю, из тех, кто сначала дерзит, а потом ночью лежит, глаз не смыкает и боится каждого шороха.

Я складываю руки на груди.

— Если ночью мне и будет страшно, то только от мысли, что ты где-то поблизости.

— Вот об этом и хотел сказать, — как ни в чем не бывало продолжает он. — Если что, звони мне.

Моргаю.

— Чего?

— Если не спится, если что-то послышалось, если тени по углам мерещатся, — он медленно, с этой своей отвратительной ленцой, снова подходит ближе. — Набираешь мой номер. Я приду. Проверю. Успокою.

Расплывается в издевательской усмешке. У меня аж внутри все переворачивается от омерзения.

— Это все? — решаю закончить этот цирк.

— Пока да.

Разворачиваюсь и вылетаю из спортзала. Я думала, что кто-то больше, чем Олег, мне не нравится, просто не может. Но Игорь побил все рекорды. Обычный хам на стероидах, которому дали власть.

Кипя от негодования и желания пойти помыться еще раз после общения с ним, я резко толкаю дверь и врываюсь в кабинет Демидова без стука.

— Ой, простите, — раздраженно и совершенно неискренне бросаю я, когда он вскидывает удивленный взгляд. — Может, перейдем уже к моим непосредственным обязанностям? Или мне нужно дополнительно пройти курс молодого бойца?

— Вижу, разговор с Игорем прошел успешно, — усмехается Демидов, вставая из-за стола. И, видимо, он настолько наслышан о том, как влияет на его персонал Игорь, что даже прощает мне внезапное вторжение.

Он уже переделался в свежие трико и футболку, волосы еще влажные после душа, на носу те же невероятно иду-

щие ему очки, которые он, слава богу, снимает, когда выходит из-за стола и направляется ко мне. Его домашний образ так сильно контрастирует с вчерашним деловым, что я даже немного теряюсь.

— Вы не едете на работу? — зачем-то уточняю у него, когда мы выходим из кабинета.

— Нет, сегодня я работаю из дома и на выходные останусь тут, чтобы проследить, как у вас будут складываться дела с Алисой, — отвечает спокойно. — Если все будет хорошо, то следующую неделю я проведу в городе.

Ну обалдеть. Дочь лишилась матери, еще и отца не видит. Больше не говорим ни слова, пока поднимаемся на второй этаж. Он открывает дверь чуть дальше моей по коридору, и мы оказываемся в пространстве, которое не имеет ничего общего с холодной сдержанностью хозяина дома. Розовые стены, мягкий свет, сказочные детали, будто кто-то собрал здесь мечту о детстве и аккуратно разложил ее по полкам. Комната принцессы. И принцесса уже не спит.

Алиса сидит в кровати, взлохмаченная, еще немного сонная, и смотрит в окно так сосредоточенно, словно за стеклом происходит что-то гораздо интереснее нашего появления.

Я остаюсь чуть поодаль, пока Олег проходит к ней, присаживается рядом.

— Ну что, принцесса, проснулась?

Жду, что он прикоснется к ней, поцелует, но Олег держится отстраненно.

— Алиса, — зовет он, потом гладит по взъерошенным волосам и сам словно каменеет. Недолгое молчание и никакой реакции. — Помнишь принцессу, которую ты вчера встретила?

Принцессу? Я едва не фыркаю, но вовремя сдерживаюсь, потому что в этот момент Алиса отмирает и смотрит на меня. На ее лице ничего не отражается, но фокус внимания пойман.

— Ее зовут Варя, — представляет он. — И она очень хотела пожить с нами. Ты не против?

Тут уже не сдерживаю красноречивого взгляда и фыркания в сторону Олега, но потом смотрю на едва заметный кивок девочки, на ее милое личико и такой безжизненный взгляд, и что-то внутри переворачивается. Вся едкая злость, направленная на взрослых обитателей этого дома, уходит, остаются только огромные детские глаза. И я включаюсь в игру.

Не обращая внимания на Олега, я подхожу, сажусь на ковер перед ее кроватью и сладко потягиваюсь, изображая утреннюю беспечность.

— Алиса, а у вас тут вообще кормят принцесс? — спрашиваю я доверительным тоном. — Я так проголодалась, а еду найти не могу.

Она молча рассматривает меня несколько секунд, а потом встает и подходит ближе. Маленькие пальчики касаются моих волос легко, почти невесомо.

Вот сейчас бы всем, кто дразнил меня морковкой, показать, какое влияние несуразная шевелюра может иметь на ребенка, потому что это точно магия. В следующую секунду Алиса берет меня за руку и уверенно тянет за собой к выходу.

Сначала мне кажется, что меня просто выдворяют из комнаты, но маршрут быстро развеивает сомнения: мы идем на кухню.

— Нужно было сначала умыться и одеться, — раздается за спиной недовольный голос.

— Не будьте занудой, Олег Александрович. Принцессам можно все, — бросаю на него многозначительный взгляд через плечо и улыбаюсь.

Вижу, как его челюсть сжимается, а глаза опасно прищуриваются, но он ничего не успевает сказать, мы заворачиваем за угол.

От первого дня я не ждала ничего. Ни чуда, ни мгновенного доверия, ни того наивного сценария, где ребенок внезапно оттаивает и предлагает играть, будто мы знакомы целую жизнь. Да, Алиса реагировала на меня заметно лучше, чем на собственного отца, но я слишком хорошо понимала: это еще ничего не значит. Детская психика — не исключитель, ее нельзя щелкнуть и получить желаемый результат.

Поэтому я не обольщалась. Мы не должны были сразу смеяться, болтать без умолку и жить по канонам счастливой пятилетки. Поэтому первые дни я решила не налегать на ребенка, а занять позицию наблюдателя, чтобы понять, какой подход к ней искать.

Наш первый завтрак прошел странно, но интересно. Мы чинно ели из посуды, которую притащила Алиса, как только усадила меня за стол. А потом я даже позволила ей покормить себя с ложки, реально чувствуя себя куклой для девочки. Милана смотрела на меня взглядом «совсем сдурела», уперев руки в бока и перекинув кухонное полотенце через плечо.

Плевать вообще, что она думала, потому что Алиса съела всю чашку, когда пришла моя очередь ее кормить, и продемонстрировав ее Милане, я хотела показать той язык, но только брякнула:

— И даже плясать не пришлось.

Пока помогала Алисе умываться, одеваться и заплетаться, пыталась немного с ней поговорить, но девочка только молча разглядывала меня своими огромными бездонными глазами, такими же серыми, как у ее отца, но с миллионом ярких искорок в радужках.

В ее комнате царил абсолютный порядок, такой, какой у пятилетнего ребенка просто не должен быть. Игрушки все собраны и распределены по местам, все письменные принадлежности выстроены в идеальные ряды, книги выглядят так

аккуратно, будто их и не читают.

Так как в мои обязанности входил ежечасовой отчет Олегу о нашем передвижении и занятиях, я фотографировала все, что мы делаем. Алиса, переключив внимание с меня на карандаши, села рисовать, и, несмотря на все плюсы этого занятия, я видела, как она все сильнее погружается в себя, словно отрешается от этого мира.

Я рисовала вместе с ней, пыталась разговаривать, но она вскоре совсем перестала обращать на меня внимание, погрузившись в рисование Мерида, как я могла догадаться.

Понаблюдав за ней с полчаса, я говорю:

— Алис, а пойдем погуляем?

Ноль внимания. Я глажу ее по волосам и осторожно достаю до руки. Она замирает, как пойманная птичка.

— Давай, пока нет дождя, пойдем на улицу?

Она некоторое время раздумывает, но потом смиренно кивает и принимается собирать все карандаши на место, но я останавливаю ее.

— Оставим как есть, не обязательно убирать. Ты же еще планируешь рисовать сегодня?

Она кивает. Я проверяю погоду, открыв настежь окно, и решаю, что кофты нам не помешают, несмотря на солнце: с леса тянет влажной прохладой. На выходе из дома нас встречает Евгений.

— Варвара Алексеевна, куда собрались?

А я только подумала, куда ж он запропастился.

— На улицу, — отвечаю, не глядя на громилу.

— Я с вами пойду.

— А там что, недостаточно соглядатаев?

— А я ваш личный, как вы выразились, соглядатай, — улыбается он и приоткрывает для нас дверь. — А вы не по расписанию?

— У нас свое расписание.

— А Олег Александрович знает?

— С ним я разберусь позже.

Слышу громкое фыркание и его шаги за спиной, но больше он ничего не говорит. И все же Евгений настоящая лавочка по сравнению со своим начальником. Обоими начальниками.

На улице свежо, и я делаю глубокий вдох лесного воздуха. На заднем дворе Демидов построил просто невероятную детскую площадку, но Алиса проходит к качелям, игнорируя все остальное. Я качаю ее, предлагая полазать, побегать, скакаться с горки, но она только смотрит вдаль. Это тоже принимаю к сведению и не давлю.

Сажусь на лавочку рядом. Сердце неприятно сжимается при взгляде на ребенка. Страшно даже представить, что происходит внутри этого маленького мира, что тянет ее прочь от реальности, заставляя уходить так глубоко в себя.

На ногу садится бабочка, щекоча мои открытые коленки, и я, следуя рефлексу из детства, ловко ловлю ее и поднимаю за крылышки.

— Алис, ты боишься бабочек?

Она переводит на меня взгляд и замечает насекомое. В глазах мелькает интерес.

— Представляешь, некоторые их боятся, говорят, что это летающие червяки, — произношу, демонстративно внимательно рассматривая бабочку. — А они такие красивые, смотри, какие у нее пятнышки.

Ей специально не показываю, и, о чудо, она сама слезает с качелей и подходит ко мне, разглядывая бабочку.

— У них очень щекотливые лапки, — подношу к маленькой ручке, и Алиса сначала дергается испуганно, но тут же начинает улыбаться, когда бабочка перебирает ногами по ее коже. — Чувствуешь?

Она кивает, тянется, чтобы перехватить крылышки и забрать насекомое, но бабочка, почувствовав мгновение свободы, вырывается и улетает. Мы тоскливо смотрим ей вслед. Так, насекомые. Кого бы еще найти?

— А давай поищем божьих коровок? Знаешь, как они выглядят?

Алиса кивает и начинает оглядываться.

— Они живут в щелях и под листиками, в старых пеньках. Давай искать.

В итоге на это занятие мы потратили полдня, забыв про обед и все остальное. Наисследовавшись вдоволь божьих коровок, мы начали свою охоту на кузнечиков, муравьев и даже слизней. Пришлось отбросить свое взрослое отвращение

ко всем гадам, так как Алиса проявляла довольно сильный интерес. Мы построили им дом, посадили всех туда и еще долго смотрели на то, как они в ужасе от нашей заботы расползаются по сторонам.

Евгений несколько раз порывался напомнить про расписание, но я только шикала на него.

После ужина я позволила Алисе вернуться в ее мир рисования и дала возможность отдохнуть от своего назойливого внимания. День пролетел незаметно.

К ночи, искупав малышку и вручив ей пижаму для переодевания, я подхожу к стеллажу с книгами, с интересом читая названия, чтобы выбрать, какую буду зачитывать.

— Я сам ей почитаю, — доносится с порога, и я резко оборачиваюсь.

О, а вот и папа.

— Уверены? Я могу...

— Иди отдыхай, — заботливая фраза из его уст звучит как угроза, но, кажется, я начинаю привыкать к этому. — Поговорим позже.

Пожимаю плечами и, пожелав Алисе сладких снов, направляюсь в свою комнату. Горячий душ — это то, что мне просто необходимо после этого непростого в моральном плане дня.

Я неспешно греюсь в кипятке, обмазываюсь кремами и переодеваюсь в сорочку в совершенно пустом гардеробе. Моих вещей слишком мало, чтобы заполнить его даже на треть.

Укладываюсь в мягкую постель и блаженно выдыхаю. Все же к такой роскоши легко привыкнуть. Залипаю в телефон, где накопились непрочитанные сообщения в чатах. Читаю обсуждения коллег, потом выбираю, какую бы книгу начать читать, как дверь вдруг открывается, и на пороге я вижу внушительную фигуру Олега.

Ошарашенно смотрю на незваного и недовольного босса. Входит без стука, еще и с таким видом?

Руки сложены, брови сведены. Сейчас что-то начнется.

— И что из того, что прописано в твоих обязанностях, тебе не понятно, Варвара?

Глава 7

Олег

Смотрю, как Варвара закусывает губу, блокирует телефон с тихим щелчком и набирает в грудь побольше воздуха.

— Это насчет расписания? — уточняет она и, дождавшись моего кивка, начинает: — Олег Александрович, я все понимаю, у вас уже все настроено, и оно, вероятно, создано не просто из головы...

Ну хоть соображает.

— Но я работаю иначе, понимаете?

Нихрена.

— Ты работаешь так, как я тебе скажу, — отвечаю безапелляционно, не повышая голос.

В ее зеленых глазах вспыхивает возмущение, что неизменно раздражает.

Я привык, что мои люди со мной не спорят, мне не перечат и уж точно не нарушают прямые приказы. Расписание составил психолог, один из лучших в городе, ей я доверяю больше, чем случайной няне с улицы, которая на этом месте только потому, что напоминает моей дочери диснеевскую принцессу.

Она не отводит взгляд, не тушует под моим тяжелым прищуром. Наглая. Ох, как мне не нравятся такие.

— Сегодня мы действовали не по расписанию, каюсь, — она встает и что-то ищет в телефоне.

В этот момент понимаю, что нужно прекращать эти комнатные переговоры, потому что меньше всего я в данный момент ожидаю увидеть няню в сорочке с глубоким вырезом, в котором ее сиськи определенно перетягивают внимание с того, что она говорит.

Варвара же, будто не замечает, в каком она виде, подходит ко мне и встает так, чтобы я видел, как она листает галерею. Ее плечо касается моей руки, и вид открывается еще более впечатляющий.

— Но мы не просто так пропустили обед... — вырывает она меня из мыслей.

— Ты меня не слышала? — перевожу взгляд на ее лицо.

— Это вы меня не слушаете почему-то... — продолжает гнуть свое, и, несмотря на толику промелькнувшего в глазах напряжения, я вижу там море раздражения.

— Потому что каждая минута в этом графике — это дисциплина, которая необходима Алисе, чтобы чувствовать почву под ногами, — разжевываю ей. — Ты же предлагаешь мне хаос. То, что есть сейчас, — работа не одного месяца, и я вижу хоть какой-то прогресс...

— Минуту мне дайте! — почти рывкает она, перебивая меня, и тут же сует мне телефон в лицо: — Вот! Смотрите... Запускает видео, и я со вздохом опускаю взгляд на экран.

— Мы искали всякую двигающуюся гадость. Да, не очень

приятное занятие, но оно вызывало у Алисы интерес, — комментирует она, что-то отматывая, включая следующее. — Я не хотела обрывать это из-за того, что мы пропускаем обед. К тому же я уточняла у Алисы, голодная она или нет. Посмотрите и скажите мне, это можно считать маленькой победой?

Я мгновенно становлюсь серьезным. Раздражение и неуместные мысли о ее виде испаряются, когда я смотрю в экран. Сердце невольно ускоряет ритм.

Да, это можно считать победой, и далеко не маленькой. Она присылала мне фото, но чаще всего там не видно было лица или глаза Алисы были опущены. Но здесь я вижу, как моя дочь не просто выполняет какие-то требования взрослых, которые ее немного растормошили, — в ее глазах искорки азарта. Я давно не видел такого живого выражения на ее лице. Блядь, и это из-за насекомых? Почему никто раньше не додумался о подобном?

Но я чертовски боюсь того, что необдуманные действия вчерашней студентки могут спровоцировать откат.

Поднимаю взгляд на Варю, которая ожидает моего вердикта, приподняв брови, и киваю. Она тут же цепляется за это.

— Тогда дайте мне хотя бы неделю присмотреться и взаимодействовать с вашей дочерью так, как мне кажется верным. Если обнаружится, что это, — она указывает на телефон, — лишь случайность, я вернусь к расписанию и больше

не буду от него отступать.

Долго смотрю на нее, вижу, что начинает нервничать. Но, сука, недостаточно для того, у кого в руках мой ребенок. Бесит, что оказался в какой-то степени зависимым от наглой безответственной девчонки.

— Семь дней, — наконец произношу я, — и если я увижу хотя бы один откат в ее поведении, тебе не поздоровится.

Она сглатывает, опускает взгляд на телефон, пара секунд раздумий и, сделав вздох, Варвара кивает.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторяю задумчиво. — Она что-то сказала сегодня?

— Нет.

Она не отводит глаз. Я изучаю ее лицо. Раздражение все еще клокочет где-то внутри. Варвара неудобная, непокорная, непредсказуемая. То, что я никак не могу себе позволить сейчас, когда моя семья на прицеле.

Все в ней до жути раздражает с самого начала. То, с какой безответственностью она подходит к важным вещам, меня злит. Я не люблю таких людей. Мне важна серьезность, четкое понимание своих действий. Это явно не к Варваре. Она действует какими-то эмоциональными порывами. Это неразумно.

Додуматься припереться на собеседование вместо другого человека? Пожалуйста. Броситься драться с охраной? Тоже можно. Послать к чертям расписание, когда знает всю се-

рьезность анамнеза? Легко.

Она, блядь, одна большая проблема, которая действует хаотично, будто ее девиз по жизни — «я так чувствую». И это, мать его, полностью противоречит тому, что я жду от своих людей.

И я ее самолично уничтожу, если она таким подходом навредит Алисе, но сейчас остается только довериться.

— Скинь мне это. И с завтрашнего дня присылай видео, а не фото.

Выходные я всегда стараюсь проводить с дочерью дольше обычного, словно могу наверстать тем самым все то время, которое безвозвратно уходит на совещания, встречи и рабочие поездки.

Но в этот раз я просто наблюдаю за дочерью, за Варварой и тем, как они взаимодействуют, как няня справляется. Пока не влезаю и втайне испытываю облегчение, а заодно и чувство вины.

До трагедии в общении с дочерью у меня не было проблем. Алиса всегда была папиной дочкой, даже несмотря на то, что чаще всего мы полноценно проводили время только на выходных.

Теперь я не уверен ни в одном своем движении в отношении нее. Все кажется на грани риска, любое вторжение может

нарушить хрупкое равновесие ее мира и сделать хуже. Алиса только недавно перестала бояться мужчин. До этого она даже из дома не выходила, потому что во дворе куча охраны. Могла нормально реагировать только на меня и Женю, который с ней рядом уже пару лет.

Признавать, что как отец я не справляюсь, оказалось больно. Поэтому я с головой ушел в работу, а Алису окружил заботой профессионалов и проверенных людей. Мне казалось, этого достаточно и что они сделают больше, чем могу сделать для нее я.

Это все моя вина, что все так обернулось. Моя жадность, тупые обещания, поспешные решения.

До встречи с Борисом, моим тестем, работал чисто. Автомастерские, первые деньги, помощь родителям. Потом Борис на пороге, куча бабок в сумке и просьба разобрать тачку на органы, чтобы не нашли. Я не задавал вопросов. Сделал. Так и сработались, даже сдружились. Он владел складами, работал с грузоперевозками.

А потом Борис узнал, что ему жить осталось три месяца. А передать дело некому. Он решил, что я сойду за приемника, но с условием, что до конца своей жизни его дочь не будет ни в чем нуждаться и останется под моей защитой.

Так я женился на Кате и погрузился совсем в другую игру, переняв все дела Бориса.

То, что сначала претило, со временем стало нормой жизни, бизнес модели.

Дело масштабировалось, я стал значимой фигурой на рынке и... помехой.

Для таких, как Орлов. Я забирал зоны его влияния, наращивал обороты, предлагал клиентам более безопасные условия. Со мной было проще и надежнее. А трафик, склады, тишина, купленные маршруты — те же.

Орлову это не понравилось. После бандитских девяностых он адаптировался, остался на плаву, построил свою империю, остался в законе. Но в большинстве своем дела решал по старинке.

Меня не раз предупреждали, но я бы справился...

Если бы удар не пришел изнутри.

У нас с Катей любви не случилось, но мне казалось, мы смогли построить уважительные отношения. Она была холодной, ее устраивало, что мы живем параллельно, не мешая друг другу. Хотя мы пытались построить что-то большее. Так у нас появилась Алиса. Но мы быстро поняли, что нам друг от друга ничего больше не нужно. Поэтому я выполнял обещание, данное ее отцу, и позволял ей жить так, как она хочет.

Я давал ей все, что она только желала. Но когда конфликт с Орловым набрал обороты, моя жена выбрала списать меня со счетов и повернуть собственную игру. Это было очень глупо с ее стороны.

Она решила поставить на Орлова. Собрала вещи, нашу дочь и прихватила документы из сейфа, которые должны были меня уничтожить. Она не знала, что они уже давно не

имели силу, я переоформил бизнес. Видимо, это и стало ее приговором.

Катя просчиталась. И погибла.

А я едва не потерял дочь вместе с женой.

Ее предательства оказалось достаточно, чтобы доставить массу проблем и подорвать налаженную работу.

Мне было плевать на Катю, она своими действиями подчеркнула любое хорошее отношение, но ее поступок сломал нашу дочь. И показал в очередной раз, что никому нельзя доверять.

Негромкий стук возвращает меня в реальность.

Варвара осторожно заглядывает в кабинет.

— Звали?

— Да.

Я поднимаю голову и делаю глоток виски, наблюдая, как она проходит ближе. Останавливается напротив, держась на расстоянии нескольких шагов.

В ее волосах еще больший хаос, чем обычно. Алиса нарядила ее в зеленый длинный сарафан. Может, она действительно воспринимала новую няню как куклу? Я не собирался ей мешать в этом, если это хоть немного пробуждает в ней искренний интерес.

Варвара тоже подыгрывает в такие моменты. Сегодня эта игра часа два держала Алису включенной, пока она играла в кукловода, руководила няней, наряжала ее, расчесывала.

Выглядит Варвара уставшей, а это всего лишь третий день

ее работы.

Достаю телефон и включаю отрезок видео.

— Это что? — спрашиваю.

Варвара наклоняется и прищуривается, смотрит мгновение, как, закутав Алису в одеяло, качает ее на руках, как младенца.

— Кукольные обнимашки, — выпрямляется она.

Я делаю глоток, пронизывая ее взглядом и ожидая, когда она продолжит. Поняв это, она поясняет:

— Вообще есть такая техника — добаюкивание. Я предложила Алисе кукольные обнимашки и качала ее как малышку. Ей понравилось. И это правда очень крутая техника. Спросите у своего психолога или почитайте в интернете...

Смотрю на нее исподлобья. Я, конечно, спрошу, но...

— Вы что, каждое мое действие будете подвергать сомнению и допросу? — неожиданно возмущенно спрашивает Варвара, сверкнув взглядом.

— Да, — отвечаю прямо.

На ее лице мелькает злость, но она благоразумно решает промолчать.

— Я завтра уеду и вернусь в четверг, — сообщаю ей. — В твои обязанности войдет укладывание Алисы.

— Уверена, что справлюсь, — язвит заноза.

— И еще, хотел сообщить, что Алисе иногда снятся кошмары. Возьмешь завтра из моей спальни радионяню, чтобы слышать.

— Хорошо.

Делаю глоток, скользя по ней взглядом, отмечая напряженную осанку и печать усталости.

— Она что-нибудь говорила? — спрашиваю самое важное.

— Как скажет, я сообщу сразу, — раздраженно произносит.

Дерзит.

Я пока позволяю.

— Можешь идти.

Она разворачивается и быстро уходит из кабинета. Почти сразу телефон мигает новым уведомлением.

Варвара все-таки решила мне что-то сообщить?

Поднимаю экран и вижу сообщение.

Неизвестный: *«Новая няня? Рыжей вроде еще не было?»*.

Я перечитываю сообщение снова и снова, пока внутри разливается отравляющий холод. Наблюдают. Дают понять, что знают.

Сука!

Но откуда? Смотрю на дверь, где пару минут назад крылась Варвара.

Сжимаю челюсть до боли и резко поднимаюсь.

Глава 8

Варя

Не успеваю дойти до своей комнаты, как слышу широкие уверенные шаги сзади. Оборачиваюсь и встречаюсь с взбешенным взглядом Демидова за секунду до того, как он обрушивается на меня.

Его рука сжимает мое горло и припечатывает к стене. Вскрик застревает в легких, потому что пальцы безжалостно сдавливают шею. Дергаюсь, пытаюсь разжать его руку.

— Телефон где?

Слышу его рык сквозь ужасный шум пульса в ушах.

— В комнате, — хриплю, и он тут же отпускает меня, открывает дверь и заходит в комнату.

Я сгибаюсь пополам, хватая ртом воздух и пытаюсь прийти в себя после этого нападения. Медленно выпрямляюсь, опираясь ладонью о стену, когда шум крови в ушах начинает стихать. Горло саднит, а внутри разрастается буря.

Дверь в комнату распахнута, Демидов уже внутри. Останавливаюсь на пороге, впиваясь взглядом в его широкую спину.

— Что вы творите?..

Он молчит. Замечаю в руках у босса свой телефон.

— Эй! — голос срывается. — Отдайте. Вы вообще... вы

не имеете права!

Олег полностью меня игнорирует, смотрит в экран, быстро что-то пролистывает, проверяет чаты в мессенджере. Я клянусь себя за то, что не пользуюсь блокировкой, в мой телефон может заглянуть любой.

Его лицо каменное, отстраненное. Я сжимаю зубы и едва сдерживаю порыв включить внутреннего гопника.

— Вы не можете себя так вести, — пытаюсь общаться по-человечески и отобрать у него телефон, когда замечаю, что он полез в галерею.

Не сдерживаюсь и с силой бью его по руке, но с тем же успехом я могла лупить стену. Демидов наконец откидывает телефон на кровать, резко теряя к нему интерес, и начинает обыскивать комнату. Его движения выверенные, профессиональные, без суеты.

— Вы что, под чем-то? — выказываю догадку и хмурюсь.

Он приседает и заглядывает под кровать, проверяет постельное, матрас. Затем идет в гардероб, перерывает мои вещи, обыскивает ванную. Схватив телефон, я сжимаю его до побелевших костяшек и жду.

Перевернув всю мою комнату вверх дном, он впивается в меня жестким взглядом.

— У тебя есть еще один телефон? — спрашивает негромко, но в голосе я без труда улавливаю угрозу.

— Нет, — ошарашенно моргаю.

Он вообще видел мою зарплату?

Олег натывается взглядом на тумбочку за моей спиной, которую еще не обыскивал, и идет к ней. О нет, только не это!

Я встаю у него на пути.

— Даже не смейте совать туда свой нос.

Он отодвигает меня, но я вцепляюсь в него мертвой хваткой. Завязывается короткая борьба, в ходе которой он швыряет меня на кровать и резко выдвигает ящик тумбочки.

Пару мгновений тупо смотрит на моего лучшего друга «пингвина», а потом переводит взгляд на меня. Я вздергиваю бровь и с вызовом смотрю на него. Доволен?

Он вздыхает как-то тяжело, а потом хватает последнее, что не проверил. Содержимое моей сумочки летит рядом со мной на кровать: расческа, блокнот, повербанк, кошелек, документы, мой неизменный перцовый баллончик, который сейчас имеет все шансы быть примененным к Олегу.

— Вы серьезно? У вас какой-то приступ? Мне уже звонить Паше-медику?

Он перебирает вещи быстро, ища что-то конкретное. Проверяет карманы, блокнот, кошелек. У меня уже не остается сил возмущаться и злиться перед его сметающей все решимостью.

— Клиника, блин, — шепчу под нос. — Что я сделала-то?

— Пока ничего, — наконец соизволяет ответить он, осматривая учиненный беспорядок.

Вдруг останавливает взгляд на мне, распластавшейся на

кровати, и в его глазах что-то мелькает, когда он оценивающе обводит мою грудь, талию, останавливается на бедрах.

— Задирай платье.

В ужасе расширяю глаза. Мать моя женщина, мне уже начинать орать?

— Нет! — заявляю твердо.

Он хватается меня за лодыжки и тянет на себя. А в меня будто бес вселяется — я начинаю брыкаться, дергаться, заезжаю ему пяткой в грудь, отчего он чуть отшатывается, но не слишком сильно. Перехватывает, сдергивает меня ниже.

— Лежи смирно.

Ага, щас!

Перехватываю его руки, потянувшиеся к моим бедрам.

— Ты сдурел? — ору на него, отбросив все формальности.

— Отвали!

Он зажимает мне рот рукой, чтобы не орала, и мои глаза расширяются, когда я чувствую, как его ладонь поверх ткани проходится по внешней стороне бедра, затем по внутренней, касается промежности совсем быстро, невесомо, переходит к другому.

Я не сразу понимаю, что он меня обыскивает, что не собирается насиловать. Но я ему за это все равно устрою...

Он заканчивает досмотр и поднимает на меня взгляд. После борьбы мы оба тяжело дышим. Моя грудь быстро вздымается и опускается, и это привлекает его внимание, в серых

радужках мелькает искра интереса. Он прищуривается.

Пользуясь заминкой, я кусаю его ладонь. Он с шипением отдергивает руку, и я тут же хорошо поставленным хуком справа бью его в нос.

По руке проносится вспышка боли, Олег отшатывается и хватается за лицо. Я тут же вскакиваю, хватаю баллончик и становлюсь по другую сторону кровати, разделяя нас этим барьером. Вытягиваю руку, давая понять, что я больше церемониться не буду.

Он поднимает на меня взгляд и... смеется. Совсем невесело. Вытирает кровь, побежавшую с носа, и улыбается хищно.

— Если ты еще хоть раз ко мне прикоснешься...

— То что? — он вскидывает брови.

— Я...

— Да, ты? Что ты сделаешь? Будешь кричать? Драться?

Я замолкаю, понимая, что все мои угрозы — пустое сотрясение воздуха. Я в полной его власти. Никто из охраны не прибежит мне на помощь. Могла бы, конечно, обратиться в полицию, но...

— Пойдешь к ментам? — он словно читает мои мысли.

— Так ты сама подписала договор, так что юридически все чисто. А ты попробуй докажи, что что-то было...

Испепеляю его взглядом пару мгновений и выдыхаю.

— Я что сделала, чтобы заслужить все это, а? — ору на него и указываю на комнату.

Демидов наклоняет голову, проводя языком по нижней губе, и задумчиво смотрит на меня.

— Какого хрена ты так вовремя появилась, а, Варвара?

Я задыхаюсь от возмущения.

— Появилась? Я не рвалась работать няней, Демидов! Уволь меня прямо сейчас, и дело с концом.

— В том-то и дело, что я не могу тебя уволить.

Смотрю на него гневно и медленно, чтобы до него дошло, говорю:

— Если продолжишь в таком духе, Алиса заметит твое агрессивное поведение, и это точно не пойдет ей на пользу. И с твоей стороны очень глупо так вести себя с человеком, который с ней все время...

Замечаю вспыхнувший безжалостный огонь в его глазах на мои слова и добавляю:

— Я ей ничего не делаю. Она не виновата, что у нее такой отец. Но не все добрые, как я. Кто-то может затаить обиду и отыграться на ребенке...

Демидов смотрит на меня долго, задумчиво, вытирает кровь снова и произносит тихо:

— Он любит таких, как ты.

— Кто? И каких таких?

— Простушек. С совершенно обычной историей при проверке. Нуждающихся. Отчаявшихся.

— Кого-о? — тяну возмущенно. Он что-то попутал? — Ты про меня или себя? Да, я простой человек, но отчаяв-

шийся среди нас только ты.

Он прищуривается, снова впиваясь в меня тяжелым взглядом, и негромко, с хрипотцой, произносит:

— Не предавай меня, Варя. Иначе мне придется тебя убить

Глава 9

Олег

Следующая неделя проходит в движении. Помимо работы, отбивания ударов Орлова, подготовки к ответке, много времени уходит на поиск крысы.

Я почти не сплю, и это становится уже в порядке вещей. Потому что, когда в защите дыра, туда могут ударить в любой момент. Не после каждого удара можно оправиться.

Я перебираю каждого в своем окружении методично и вдумчиво. Списки, маршруты, созвоны, временные странности вроде странных совпадений, резких пропаж с радаров, новых лиц.

Я поднимаю старые контакты. Проверяю цепочки. Кто с кем пил, кто кому должен, кто вдруг закрыл ипотеку, не меняя образ жизни. Деньги любят тишину, но они всегда оставляют след. Вопрос – где?

Варю проверил первой. По новой. Даже мать ее и подругу пробил. По всем признакам она чиста.

Но я, блядь, все равно не могу успокоиться, понимаю, что это пахнет паранойей, но не могу. Слишком много случайностей связано с ней. Так просто не бывает. Не в моем мире.

Таких, как она, любят использовать. Простые, легко сти-

раемые, когда становятся ненужными. У Варвары одна мать, которая живет в селе за триста километров. Жилье снимает, парня нет, тихая. Ее очень легко убрать, когда она исполнит свою роль, и замять все. Она идеальный вариант для Орлова.

Я больше не могу позволить себе доверять кому бы то ни было, нужно все держать под контролем. Я видел, что бывает, когда он ускользает, а ты потом стоишь на месте казни и ничего не можешь исправить.

Остается последний вариант — копать дальше. И делать это придется в логове врага.

Беру телефон и впервые за десять лет набираю номер Орлова-младшего.

Я приезжаю первым.

Ставлю машину носом к выезду — это уже привычка и мера безопасности. Глушу двигатель и, закулив, подхожу к краю карьера. Свинцовые облака давят и грозятся в скором времени пролиться дождем, ветер бьет в спину. Здесь всегда дует.

И, как всегда, ни души. Место без лишних глаз и ушей.

Назначать кому-либо из Орловых встречу тет-а-тет и приезжать без охраны — дело гиблое. Посмотрим, насколько мой старый друг мне еще друг.

Рев мотора слышу раньше, чем вижу байкера, вылетевше-

го из леса, раскидывая грязь по сторонам. Затягиваюсь и с прищуром наблюдаю, как он подъезжает и останавливается в паре метров, глушит мотор.

Сидит секунду, вторую. Потом снимает шлем и кидает его на сиденье. Макс Орлов, сын моего врага.

— Нихуя себе, — тянет, неторопливо подходя ко мне. — Ты еще не сдох.

— Как видишь, — пожимаю плечами, зажав в зубах сигарету и осматривая его. — Пиздец ты постарел.

— Ты свою рожу видел? — хмыкает Макс и протягивает руку.

Крепко пожимаю и стучаю его по плечу.

— Ну хотя бы больше не дрыщ, — усмехаюсь, отпуская его руку.

Макс тоже закуривает, некоторое время стоим молча, глядя вдаль.

— Здесь вообще ничего не изменилось, — говорит он.

— Все еще остается отличным местом для частных разговоров.

— Так и знал, что ты позвонил не потому, что соскучился, — усмехается и выпускает дым изо рта. — По теме?

Смотрю на Орлова, сканируя его по реакциям.

— Ты уже влился в семейный бизнес?

— Пока вникаю.

— Уже вник в то, что батя меня пасет?

Макс бросает взгляд на меня, вижу по глазам, что для него

это новость. И он отлично меня знает, чтобы понимать — я не буду раскидываться обвинениями без веских причин.

— Че не поделили?

— Южные склады. Клиентов. Трафик. Деньги.

Макс задумчиво кивает.

— Хуево.

Лучше и не скажешь.

— Я не знаю про слежку, у меня другие задачи сейчас, — говорит он. — Уверен, что не параноишь?

— Время паранойи уже давно прошло. Конфликт у нас с твоим батей открытый.

Макс непонимающе вглядывается в мое лицо.

— Он мою Катю убрал пару месяцев назад.

Орлов моргает, пару мгновений вспоминает, видимо, кто такая Катя, потом сводит брови и мотает головой.

— Да блядь, не может быть... Ты уверен в этом, Демидов? Батя, конечно, отбитый, но не настолько же...

Усмехаюсь, без издевки, скорее от того, что Макс пока еще верит в это. Хреново ему будет потом, когда вникнет.

— Я тебя сюда не просвещать о бате позвал, — перевожу тему. — Думал, может, наведешь на крысу.

— Подозрения есть?

— Нет.

— А с чего взял..?

Достаю телефон и показываю последние сообщения неизвестного номера, который продолжает изгаляться, по круп-

цам выкладывая новые факты и играя на нервах.

— Часть из них он просто не мог знать. Это только кто-то изнутри мог слить.

Макс пролистывает сообщения, снова задумчиво затягивается.

— Дочь в порядке? — между делом спрашивает.

— Будет, — не желаю погружаться в подробности.

Макс кивает, щурится от дыма и несколько мгновений смотрит вдаль.

— Есть пара мыслей, но нужно суету навести.

Выжидающе смотрю на него, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Я послушаю, понаблюдаю изнутри. Но надо шевельнуть бату, если это он, — поясняет Макс. — Если слили, что няня новая, подставь информатора. Покажи ему, что не няня она нихрена.

Докуриваю, переваривая мысль. Это без Варвары не провернуть, а втягивать ее сюда — дело гиблое. Если это она слила, то ничего не даст этот спектакль, если она чиста, я ее подставляю, засвечу, а она мне нужна еще. Не хотелось бы, чтобы с единственным человеком, у которого получается общаться с Алисой, что-то случилось.

— Слишком высокие ставки...

— Без риска не обойтись. Представь ее любовницей. Пошуми.

Неплохой способ спутать карты, если не вдаваться в част-

ности.

— Что ты предлагаешь?

— Сплетни. Главное — сомнение в информаторе, а значит, в моем доме будут разговоры. Мне останется лишь убедиться или направить тебя в правильное русло.

— Бляя, — тяну, закуривая новую сигарету. — И как мне это проверить...

— Покер. В выходные. Старые рожи, большие деньги и длинные языки.

Макс прав, фон хороший. Мой вопрос скорее относился к тому, как с Варварой договориться о подобном. Она меня пошлет, особенно после того, как я перевернул ее комнату и обещал убить.

С задумчивым прищуром смотрю на него. Макс не отводит взгляда.

— А тебе это нахрена?

Он невесело усмехается.

— Для меня друзья не пустой звук. И мне пиздец как не нравится, куда ты гнешь, но в дураках ходить я тоже не люблю. Надо покопаться.

После того, как Макс уезжает, я еще долго стою на краю карьера, думаю. Потом сажусь в машину и достаю ноут, чтобы проверить камеры. Постоянно наблюдаю за домом, точнее, за Варварой и Алисой.

Как-то незаметно Алиса перестала управлять Варей, как куклой, и теперь няня направляет ее, а дочь хвостиком за ней

ходит, смотрит, прислушивается. Варвара очень быстро нарастила свой авторитет в глазах ребенка, это радует. Смотрю, чем занимаются сейчас, включая звук.

Варвара уже взяла в оборот Женьку и заставляет беднягу сесть на маленький детский стульчик.

— Ну, Варвара Алексеевна, ну за что...

— Неправильно, Женечка. Нужно говорить не «за что», а «для чего?» — хмыкает няня, а потом смотрит на Алису. — А все просто. Для радости и веселья, да, Лисенок?

Что за клички она там всем понадавала. Женечка, Лисенок.

Тем не менее, Алиса, уж вооружившаяся набором заколок для волос и расческой для кукол, активно кивает и смотрит на Женьку собачьим взглядом.

Он бессилен перед напором своих подопечных и сдается, нелепо усаживаясь на малюсенький стул. Алиса тут же достаёт заколки и начинает наводить порядок на голове Жени. Варвара щебечет без остановки. Бедный Женька, у него, наверное, голова раскалывается от нее.

Прислушиваюсь к тому, что говорит. Уже давно заметил, что она строит общение так, что получается, будто сама с собой разговаривает. Сама спрашивает, сама отвечает. А потом, как бы между делом, Алисе задает вопрос, на который требуется односложный ответ. Дочь не замирает, как тогда, когда к ней обращаешься неожиданно, а кивает или мотает головой, иногда на что-то указывает и даже принимает ре-

шение. Как сейчас.

— Думаю, Женечке к лицу розовые заколки, — подносит к нему, задумчиво наклоняет голову. — А может, желтые? Да, думаю, желтые лучше. Или нет?

Смотрит на Алису, та задумывается и достает вообще зеленые.

— Хм, необычно... — тянет Варя, приставляет заколку к волосам Жени, сомневается. Алиса замирает в ожидании. — Но ему и правда идет.

Дочь улыбается, довольная, что няне понравилось.

Я зависаю на этом. Мне надо ее увидеть сегодня. Я тоже хочу увидеть эту улыбку своими глазами. Нужно ехать домой.

Глава 10

Варя

Олега нет всю неделю, и, признаться честно, я безумно этому рада. Без него свободно и тихо. Никто не пугает, не вламывается, не сомневается. Я просто сбрасываю ему фото и видеоотчеты, он читает, но никак не комментирует.

Игорь иногда напрягает, но в доме мы с ним почти не пересекаемся. Два раза он еще пытался со мной побеседовать, но я быстро сворачивала этот разговор. Да и Евгений постоянно рядом, а с этим добряком мне спокойно.

Аня наконец снова вышла на связь. Все еще немного оби-

жается, но из того, что я могу ей рассказать, она сделала свои выводы, и теперь это делает больше для вида. Так что мы понемногу общаемся. Она снова ищет работу няни, и я уверена, когда найдет себе семью побогаче, все ее обиды и вовсе сойдут на нет.

Мама без конца зовет приехать на лето к ней. И я бы все отдала, чтобы так и сделать. Безумно хотелось бы уехать от всего, что со мной произошло, в наш маленький домик и прожить там до конца отпуска. Но об этом не стоит и мечтать, поэтому я убедила ее, что хочу поработать и провести лето в Питере. Она посокрушалась и отступила.

А сегодня мне пришло уведомление от банка о зачислении зарплаты, и я не могла перестать радостно прыгать от греющей душу суммы. Сразу отправила ее всю маме. И наотрез отказалась выслушивать сетования, что ей ничего не нужно.

Даже без Олега дом постоянно кишел людьми. Охрана во главе с Игорем постоянно на периметре, Милана гремит кастрюлями на кухне и постоянно наводит порядки.

Два раза в неделю встречи с Инной Викторовной — психотерапевтом Алисы. Иногда по видеосвязи, но, как я поняла, чаще ее привозят. Алисе она не очень нравится, но Демидов о ней очень высокого мнения.

Да и я, поговорив с ней, поняла, насколько сама вообще не готова работать с таким ребенком. Я больше действую интуитивно, а Инна — профессионально. Она попросила ме-

ня не вносить слишком много хаоса в расписание, и я была вынуждена согласиться, потому что она подкрепляла все такими доводами, что мне нечего было возразить. Так у нас в расписании остались подъемы, окна, в которые мы едим, утренние и вечерние ритуалы, а также занятия.

Еще рядом с нами постоянно маячит Евгений. Я уже ласково называю его Женечкой и общаюсь неформально. Этот бугай мило краснеет, но продолжает держать при мне серьезную мину и обращается только «Варвара Алексеевна». Он с нами повсюду, ненавязчиво, незаметно, но постоянно рядом. Мне он нравится, мы с Алисой даже стали брать его в свои игры и мучить безотказного беднягу девчачьими приколами.

Несмотря на все, что происходит, в одном я уверена точно — Алиса оттаивает. По отношению ко мне уж точно. Я вижу это по тому, как она жметса ко мне, когда я успокаиваю ее ночью после кошмаров, как проявляет инициативу в играх, как слушает внимательно, выплывая из своих мыслей, стоит мне только заговорить.

Это только неделя. Теперь я уверена, что все делаю правильно, становясь для Алисы безопасным островком, где от нее ничего не ждут, не заставляют, а просто находятся рядом. Для этого мне не требовалось даже прилагать усилия, я просто принимала все особенности девочки как должное, ведь не знала ее раньше и брала максимум из того, что есть теперь.

Сегодня утром Алиса удивила меня, когда на рассвете я

обнаружила ее на пороге своей спальни — взлохмаченную и сонную. Она мялась, не решаясь войти, а я откинула одеяло и кивнула приглашающе.

— Если хочешь, у меня тут есть немного места.

Алиса быстро юркнула ко мне под бок, и я ее укрыла.

— Сон приснился? — уточнила.

Она покачала головой, а в следующую секунду уже сладко засопела. Я отключила будильник, который должен был сработать через полчаса, и мы проспали. Пришлось пропустить завтрак, бегая в сборах, потому что учитель танцев уже приехала и ждала нас.

Выплываю из размышлений, когда Алиса касается меня, как всегда, осторожно и невесомо, а потом кивает на одеяло в своих руках.

Ах да, мы же строим пещеру, потому что играем в пещерных людей. Смысла особого нет, просто новая форма рисования. Мы собирались прикрепить листочки к стенам и рисовать петроглифы.

— Давай-ка накроем тут, — передвигаю стул, который будет служить опорой, и забираю одеяло у Алисы. — А ты уже приготовила листы? А мелки нашла? Нам нужны черные и восковые.

Алиса торопливо бежит к столу, и я провожаю ее улыбкой. Высыпает из корзинки прямо на пол содержимое и перебирает. Это тоже моя маленькая победа: первые дни у девочки было навязчивое желание все убирать на место. А сей-

час она оставляет этот беспорядок, готовит листы, двусторонний скотч и идет ко мне. Я уже почти закончила с «пещерой», остается лишь сделать навес, чтобы она стала настоящим укрытием.

Протаскиваю туда увлажнитель с эффектом камина.

— Это будет наш костер, согласна?

Алиса с готовностью кивает. Вижу, ей уже не терпится приступить к рисованию для потомков. Она водружает на голову корону с тремя перьями сороки, которые мы нашли под забором, откуда нас быстро отогнала охрана. Мы крепим листы, я параллельно трещу для Алисы про древних людей. Вижу, что слушает.

Вдруг мы обе слышим, как дверь открывается и к нам приближаются шаги. Женья, что ли, уже очухался после наших игр в парикмахера? Замираем, переглядываясь.

— Это дикий зверь подошел к пещере, — говорю злобющим тоном и вижу, как она вжимает голову в плечи. — Но бояться не стоит, у нас костер, а дикие звери боятся огня.

Алиса заметно расслабляется и кивает.

— Но нужно проверить, — говорю и хватаю палку. — Где твое копье?

Она тут же хватается за свою палку.

Полог открывается, и Олег удивленно осматривает нас.

— А, не переживай, это просто несчастный пес пришел погреться на огонек, — машу рукой с едким смешком. — Как думаешь, пустим его к нам?

Алиса задумчиво смотрит на меня, а потом кивает и протягивает отцу руку. Он пару мгновений не может скрыть шок, а потом с готовностью залезает внутрь. С его присутствием места становится маловато. Он оттесняет меня вглубь «пещеры», и все равно наши бедра соприкасаются. Чуть нервничаю, вспоминая наше последнее взаимодействие.

— Грейся у огня, пес, и не мешай нам передавать знания потомкам, — бросаю ему, не глядя, и воодушевленно спрашиваю, повернувшись к девочке: — Итак, Алиса, первый рисунок...

Она кивает и берет черный мелок, начиная чиркать, а я слышу рык на ухо:

— Ты охренела?

— Тс, — шикаю я и поворачиваю к нему голову, едва не стукаясь носами: — Вы в игре. И если хотите остаться в нашей пещере, примите факт, что вы — пес.

Он испепеляет меня взглядом, который обещает расплату, но затыкается, а я довольно киваю, хотя с выражения его лица меня пробирает на смех, но я сдерживаюсь и, беря мелок, пытаюсь изобразить оленя, представляя, что это Демидов.

Он послушно молчит, наблюдая за дочерью, а через время она трогает меня за руку и показывает на первый рисунок.

— Хм... — тяну, притворно задумавшись. — И кто же это?

Я вижу, что это корова, но выдаю:

— Лошадь?

Она качает головой.

— Олень?

Снова нет, и она расширяет глаза, удивленная, что я не узнаю.

— Может, лось? Нет? А, поняла, это пес? — и указываю на Олега.

Он возмущенно тычет в меня локтем, не желая быть рога-тым созданием с рисунка. Но тут мы слышим смешок.

Тихий.

Алиса пугается сама себя, прикрывает рот ладошкой. Олег резко вдыхает и зачем-то тянется к ней. У меня пере-хватывает дыхание. Но я делаю вид, что не заметила. Пере-хватываю его руку и кладу зачем-то себе на колено.

— Нет, — говорю ему чуть осипшим голосом, а потом натягиваю улыбку и тоже смеюсь. — Да, это действительно смешно, как я не могла узнать корову. Корова же? У меня была корова, ее звали Красотуля. Я даже умею ее доить. А ты?

Алиса растерянно смотрит на меня, на отца, а потом ка-чает головой. Я показываю свой рисунок.

— А у меня угадаешь?

Вижу, как ее пальчики начинают нервно крутить мелок, я отступаю и обращаюсь к Олегу:

— Может, вы угадаете, Олег Александрович?

— Олень, — сухо бросает он.

— Бинго. Смотри-ка, Лисенок, мы вполне понятно рисуем, потомкам будет слишком легко опознать наши рисунки. Давай придумаешь что-нибудь не такое понятное, а?

Глава 11

Варя

Так как Олег дома, его очередь укладывать Алису спать. Мне бы уже удалиться в свою комнату, но я подглядываю за ними в приоткрытую дверь. Олег пытается что-то спрашивать у дочери, а в глазах неприкрытая боль, когда она не реагирует на него. Вижу его напряженную позу, некоторую растерянность, что читается в движениях.

Поджимаю губы и качаю головой.

— Ну и долго вы тут подглядывать будете? — наконец спрашивает Евгений, снисходительно глядя на меня сверху вниз, отчего я едва не подпрыгиваю.

— Я не подглядываю, а держу руку на пульсе, — хмурюсь, а Женя усмехается.

— Варвара Алексеевна, идите, отдыхайте, пока возможность есть. Устали ведь.

Дарю ему теплую улыбку в ответ, потому что ну уж очень он хороший, а потом уверенно толкаю дверь в комнату.

— Пришла пожелать спокойной ночи, — поясняю, когда Олег вскидывает брови в молчаливом вопросе, впиваясь в меня мрачным взглядом.

Алиса следит за мной с едва заметной улыбкой. Я целую ее в макушку и присаживаюсь на корточки у кровати.

— Если что, ты знаешь, где моя комната, да?

Она кивает.

— Не захочешь идти, просто позови, — указываю на станцию радионяни, — я услышу и приду, полежу с тобой.

Я смотрю на Олега, который сидит в изножье кровати, немного растерянно глядя на нас. Вот как ему сказать, чтобы был поласковее с ней и немного расслабился. От него же фонит напряжением, думаю, Алиса это чувствует.

— Тогда набирайся сил перед играми и поскорее засыпай, — глажу ее по голове и пускаю воздушный поцелуй.

Алиса снова кивает, а потом подается к отцу и забирает у него книгу со сказками, закрывает и вопросительно смотрит на меня.

— А-а, ты хочешь сочиняшку? — понимающе улыбаюсь, и она кивает, тут же пододвигаясь, чтобы освободить мне место на кровати.

Я закусываю губу и смотрю в мрачное лицо ее отца, наблюдающего за нами.

— Давай так, — предлагаю Алисе. — Я рассказываю сочиняшку, но лежать с тобой будет папа?

Она задумывается на мгновение, сомневается. Это уже не по нашему плану, но мне нужно разбить его отцовскую скованность. Наконец Алиса кивает и манит отца к себе.

Он непонимающе смотрит на меня.

— Ложитесь рядышком, — шепчу я ему. — А я расскажу сказку-сочиняшку.

Олег, к моему счастью, не спорит, укладывается рядом с

Алисой, обнимая ее одной рукой. Она устраивается рядом с его огромной фигурой, как в гнездышке, и кладет руку на живот отца. Он медленно выдыхает, боится шевельнуться. И все так же напряжен.

Мне хочется попросить его расслабиться, но если я это скажу, чувствую, он пошлет меня в задницу. Я сажусь на его место, в изножье, и начинаю.

— Жила-была в одном волшебном лесу маленькая белокурая принцесса...

Сочиняю все, что приходит на ум, и, что удивительно, сказка расслабляет не только Алису, но и Олега. Он поглаживает дочь второй рукой, делая легкий массаж ножек, и то и дело целует в макушку. Не проходит и пятнадцати минут, как Алиса засыпает, устроившись в гнезде рук отца.

Я замолкаю, и пару минут сидим в тишине. Убедившись, что Алиса не проснется, я начинаю медленно вставать.

— Варвара, — тихо произносит Олег, и я скидываю на него взгляд. — Спасибо.

Киваю и убираю книжку на место. Украдкой посмотрев на Демидова, который уткнулся носом в волосы дочери, я тихо выскальзываю из комнаты и иду в свою, чтобы переодеться.

Несмотря на усталость, я почти каждый вечер провожу в спортзале Демидова. Женя сказал, что каждый сотрудник может им пользоваться, я решила не упускать возможности, тем более что ребята из охраны все занимаются с утра, и я ни с кем из них не пересекаюсь.

Наушники в уши, тренажер-лестница и все, для счастья больше ничего не надо. Тело включается в работу, музыка отвлекает, мысли заблокированы.

Когда меня касается чья-то рука, я отшатываюсь и едва не наворачиваюсь, но Олег придерживает меня и быстро останавливает тренажер.

— Нельзя же так подкрадываться! — возмущаюсь, тяжело дыша.

Он смотрит на меня без тени извинения.

— Наушники, — поясняет коротко, будто это исчерпывающее объяснение.

Я выдергиваю наушники и слезаю с тренажера, чувствуя, как ноги гудят. Хорошо гудят, приятно.

— Вы по делу или просто пугать пришли?

Он молчит секунду, разглядывает меня с тем своим непроницаемым видом, заставляя нервничать.

— Что думаешь после недели с Алисой? — неожиданно спрашивает он.

— Думаю, что она чувствует себя очень одинокой. И напуганной, — говорю я, и Олег хмурится.

— Вокруг нее постоянно куча людей, и она в безопасности.

— Все эти люди ей абсолютно безразличны. И для внутренней безопасности ваши охранники не работают. Какие отношения у вашей жены были с дочерью? Насколько близкие и теплые?

Олег раздумывает, отходит к скамейке и садится.

— Катя любила дочь. Но у нее была активная жизнь, и с нами жили разные няни с самого рождения Алисы. На выходных и когда у меня бывало время, с ней был я. Но она была совсем другой.

Он замолкает, видимо уходя в воспоминания. Вижу, что, несмотря на всю свою жесткость и холодность, Олегу доставляют страдания мысли о дочери. О том, что он боится больше никогда не вернуть ее прежнюю. Мое сердце немного оттаивает, когда я понимаю, что ему не чужды простые человеческие чувства.

— Думаешь, до нее можно пробиться? — вдруг спрашивает он, посмотрев мне прямо в глаза, и мое лицо против воли смягчается.

— Я не знаю, — боюсь обещать что-то. — У вашей дочери сейчас огромный букет расстройств, но я вижу, как она сама тянется к тому, чтобы общаться, играть, быть обычной девочкой. Главное — создать ей правильные условия для этого, показать, что вылезать из своей раковины безопасно. И я все, что могу, для этого делаю...

Олег кивает, и я решаюсь добавить:

— Но мне нужна и ваша помощь.

— Какая?

— Вы ее папа. Сейчас единственный близкий человек. Вам нужно быть мягче с ней. Будьте ласковым, даже если она не реагирует поначалу. Я понимаю, что вам тяжело сталки-

ваться с ней такой, но вы должны взять себя в руки и игнорировать отсутствие реакции. Не ждите, что она должна что-то давать в ответ. Сейчас ваша задача отдавать ей безвозмездно. Она знает, что вы ее любите. Но иногда знать недостаточно, важно чувствовать. И я хочу, чтобы вы показывали свою любовь к дочери.

— Это все сложнее, чем кажется... — бурчит он.

— Я знаю, — заверяю. — Но вам нужно попробовать пересилить себя, ведь вы ждете того же от Алисы каждый день. И она старается в силу своих возможностей.

Олег задумчиво на меня смотрит пару мгновений, потом кивает на место рядом.

— Сядь.

Вот нет, спасибо. Меня совсем не прельщает быть рядом с ним на расстоянии его вытянутой руки.

Я остаюсь стоять и скрещиваю руки.

— Мне и тут нормально слышно.

Он качает головой и выдает:

— Завтра вечером ты должна поехать со мной.

— Куда это? — настораживаюсь.

— Покерная игра. Частная.

Пауза. Я обдумываю это секунду и тут же качаю головой.

— Нет.

— Да.

— Олег Александрович, — говорю с нажимом, — я няня. Мы с вами об этом договаривались. Моя работа это Алиса

и все...

— Алиса побудет с Евгением и Миланой. Они ее уложат, а к утру мы вернемся, следующий день я проведу с ней сам. У тебя будет время отдохнуть и восстановиться.

Это все максимально странно.

— Зачем я вам на покерной игре? Я в покере ничего не смыслю.

— Тебе и не нужно, — он снова смотрит на меня, и в этом взгляде что-то такое, что заставляет меня насторожиться. — Ты должна просто быть рядом.

— Просто быть рядом, — повторяю медленно. — В каком качестве, если не секрет?

Молчит. И вот это молчание мне очень не нравится. Во взгляде мелькает что-то опасное. Я уже начинаю складывать два и два, и картинка мне совсем не нравится.

— Нет, — говорю твердо и даже отступаю на шаг. — Категорически нет.

— Варвара.

— Что бы вы там ни задумали, ответ — нет. Я вам не актриса, не эскорт, не няня плюс услуги для папы. У меня договор, где прописано все, я не...

— Успокойся, я не строю отношения с персоналом. Это касается безопасности Алисы.

Я замолкаю.

Вот скотина. Знает же, на что давить.

— Каким образом? — спрашиваю осторожно.

Он поднимается. Я на автомате делаю еще полшага назад, упираюсь в тренажер и злюсь на себя за этот рефлекс. Олег это замечает, но ничего не говорит, просто приближается и останавливается в паре шагов.

— Мне нужно создать определенное впечатление на этой встрече, — произносит он ровно. — Ты будешь рядом со мной. Больше ничего.

— Рядом это как? — прищуриваюсь. — Конкретнее, пожалуйста.

— Рядом, — повторяет он и смотрит на меня в упор. — Ты умная девочка, Варвара. Сама не догадываешься?

Умная девочка. Ага. Теперь он признает, что у меня есть мозги?

— Ну уж нет. Скажите конкретно, а то я такого сейчас напридумываю.

— Ты молчишь, улыбаешься, терпишь мою руку на своей талии.

— Значит, вы хотите прийти со мной как с любовницей? — нервно усмехаюсь я, озвучивая прямо.

Он не опровергает. Только чуть опускает взгляд и снова поднимает. Для него это, видимо, равносильно «да».

— Нет, — говорю еще раз. — Нет, нет и нет. Придумайте что-нибудь другое.

— Другого нет.

— Тогда обойдитесь без меня.

— Не могу.

Я упираю руки в бока и смотрю на него снизу вверх. Он стоит с совершенно невозмутимым лицом, будто мы обсуждаем расписание Алисы, а не то, что мне предстоит изображать его женщину перед какими-то незнакомыми людьми.

— Олег Александрович, — начинаю максимально терпеливо. — Я понимаю, что у вас, видимо, серьезные причины. Но я прошу вас понять, что это...

— Три часа, — перебивает он. — От тебя не требуется абсолютно ничего. Я не отхожу от тебя. Как только все закончится я отвожу тебя обратно. Я тебя не трону, не буду целовать ни при каких обстоятельствах. Максимум прикосновения.

— А если кто-то из окружающих захочет поговорить, познакомиться ближе?

— Этого не будет.

— Откуда такая уверенность?

Он смотрит на меня с таким выражением, которое говорит: потому что я сказал.

Я тяжело выдыхаю через нос. Это все отвратительно пахнет.

— А если я откажусь?

— Ты уже отказывалась сегодня трижды, — замечает он. — Но это ничего не изменит.

— Вы себя слышите вообще? Так нельзя, — начинаю заводиться.

— Это важно для безопасности Алисы, Варвара. Я бы не

просил, если бы мог обойтись. Ты мне нужна на три часа рядом.

Ну вот. Опять Алиса.

Только я вообще не понимаю, как одно связано с другим.

— К тому же у тебя в договоре есть пункт, где ты выполняешь все, что связано с ее безопасностью, — неожиданно добавляет он. — То, что я прошу, связано напрямую.

— Так объясните мне!

— Пока не могу.

Я смотрю в его серые глаза и ищу там хоть что-нибудь — манипуляцию, расчет, насмешку. Но он не издевается. Я выдыхаю, качая головой. Это бред какой-то, и я не могу связать безопасность Алисы с тем, что мне нужно на три часа притворяться любовницей.

Тяжело вздыхаю.

— Ладно. Что мне надеть на этот ваш покер? — слышу собственный голос и мысленно закатываю глаза на себя. Я пожалею об этом.

Что-то мелькает в его взгляде. Не улыбка, нет, Демидов не улыбается. Но вижу, как на его лице мелькает проблеск облегчения.

— Лиза завтра поможет собраться.

— Лиза? — усмехаюсь, вспоминая холодную секретаршу.

— Замечательно. Теперь ваша секретарша решает, что мне надеть.

— Она профессионал и разбирается в этом.

— Не сомневаюсь.

Олег усмехается и, полагая, что разговор исчерпан, идет в сторону ринга. Я смотрю ему в широкую спину и не удерживаюсь.

— Олег Александрович.

Он останавливается, не оборачивается.

— Если кто-то из ваших знакомых попытается меня об-
лапать, я за себя не отвечаю.

Пауза.

— Никто не попытается.

— Вы не можете отвечать за других.

Олег все же смотрит на меня с опасным прищуром.

— Никто не попытается, — повторяет он тем тоном, ко-
торым, видимо, закрывает вопросы навсегда. — Потому что
они будут знать, чья ты.

Чья я.

Он выходит на ринг и начинает обматывать руки, гото-
вясь, видимо, сорвать все напряжение на боксерской груше.
Я стою у тренажера, наблюдая за ним, и пытаюсь понять, по-
чему от этих двух слов у меня так странно что-то сжалось
в груди.

Потом вставляю наушник обратно и включаю тренажер на
максимум.

Три часа. Молчать и улыбаться. Ничего сложного, правда
же?

Глава 12

Варя

Меня трясет от волнения.

Нет, это мягко сказано. Меня колотит. Я стою перед зеркалом в гардеробе и смотрю на незнакомую женщину в нем, потому что это точно не я.

Я — это джинсы, кеды, яркая одежда и растрепанная шелюра. А вот это существо в зеркале — совсем другая история.

Лиза приехала часа три назад на квартиру, куда меня привез Олег. Апартаменты мечты с собственной террасой, на которой я и зависала до приезда Елизаветы.

— Олег слишком оптимистичен, считая, что ты сможешь сопровождать его, — приподняв брови, она критично осматривает меня и кривится. — Мог бы найти кого-то более подходящего.

— Например, тебя? — складываю руки на груди и насмешливо осматриваю собранную с иголки женщину.

— Олег никогда не опустит меня до подобного обращения, — фыркает Лиза, раскладывая подготовленные вещи и косметику.

— Но ты бы очень хотела, — заключаю я и ловлю ее прищуренный взгляд.

— Сядь, — рывкает девушка, указывая на стул. — И не разговаривай.

Молча, с каменным лицом, под стать своему боссу, она приступила к моему перевоплощению. Очевидно, она четко представляла, что я должна из себя представлять, раз выступаю в роли сопровождающей ее... то есть нашего босса.

И вот на мне длинное черное шелковое платье с открытой спиной почти до поясницы. Спереди, казалось бы, все прилично, грудь прикрыта, хоть и плечи оголены. Но оно облегает так, что видно каждый изгиб тела, а еще носится без белья, и я переживаю, что из-за тонкой, почти невесомой ткани будут видны соски, если я замерзну. И разрез на всю ногу отнюдь не добавлял мне скромности.

Выгляжу сногшибательно, но совершенно на себя не похожа. Это неприятное открытие, потому что я не привыкла так на себя смотреть. Волосы распущены, рыжие кудри уложены так, что выглядят как роскошь. Макияж тоже идеален стараниями Елизаветы. Стрелки, яркая помада, подчеркнутые скулы.

Ловлю себя на мысли, что вот этой женщиной Олег Демидов вполне мог бы увлечься. По крайней мере, внешне.

Господи, о чем я думаю?

Стук в дверь.

— Как будешь готова, выходи, — слышу приглушенный голос Олега, а потом его удаляющиеся шаги.

Делаю глубокий вдох. Моя бы воля — я вообще бы не вы-

шла. Ну не мое это, далека я от жизни, где нужно собираться на покерные вечера, выглядеть сверхсексуально, чтобы соответствовать мужчине рядом, и притворяться.

Беру сумку и открываю дверь, прохожу по коридору и оказываюсь в гостиной, где посреди комнаты стоит Олег. Неизменный темный костюм, белая рубашка, верхняя пуговица расстегнута. Он смотрит в телефон и поднимает взгляд только тогда, когда я делаю к нему несколько шагов.

Мы замираем друг напротив друга. Его глаза впиваются в меня, в радужках мелькает одобрение, и он позволяет себе медленно осмотреть меня, как племенную лошадь.

Пауза секунды на три, не меньше. У меня от этого что-то нехорошее происходит с коленями, а дрожь от напряжения лишь усиливается.

— Готова? — спрашивает он.

— Нет.

Олег медленно подходит ко мне и останавливается рядом. Сглатываю, не отводя взгляд. Его широкая ладонь ложится на открытую спину, и от его горячего прикосновения мурашки разбегаются по телу.

— Едем, — говорит тихо и чуть подталкивает меня вперед.

Улицы города полны народу. Теплый вечер так и манит

гулять в обнимку по центру или в парках. И я им немного завидую — той беззаботности, что царит за пределами машины.

Три часа. Буду молчать и улыбаться. Звучит несложно.

Я справлялась с классом из тридцати восьмилеток, уж с покером и игроками разберусь без проблем. Сравнение так себе, но чуть унимает внутренний гул.

— Не напрягайся так, — произносит Олег, не отрываясь от телефона.

— Я не напрягаюсь.

— У тебя зубы скрипят.

Действительно. Даже не заметила, что сжимаю челюсть до боли.

— Там будут ваши друзья?

— Я же сказал, мне не выкать, — он поворачивается ко мне, осматривает руки, покрытые мурашками, бегло бросает взгляд на грудь и проглядывающие сквозь ткань платья от холода соски и говорит водителю: — Сделай кондиционер поменьше.

Олег снимает с себя пиджак и протягивает мне.

— Надень пока, согрейся.

О боже, это было бы так мило, если бы это был не Демидов. Но я накидываю на себя его пиджак, и меня окутывает его запахом. Пахнет он так, что хочется уткнуться в ворот и нюхать бесконечно.

— Нет, там отнюдь не друзья. И поэтому тебе лучше ни с

кем не говорить. Не отходи от меня, Варя. Ни про себя, ни тем более про Алису вообще ничего не говори.

— А если спросят имя?

— Просто Варя. Ничего больше.

— Чем занимаюсь?

— Ничем. Я тебя содержу.

— Отлично, я простушка Варя без биографии, — хмыкаю, бросая взгляд на его серьезный профиль.

Впервые позволяю себе отметить, что внешне Олег выглядит как бог. Настоящий Тор питерского разлива. Благородный профиль, нос с горбинкой, четко очерченные губы, ухоженная небольшая борода. И глаза цвета штормового неба. Только в них постоянный холод, отрешенность, как и во всем его лице. Непробиваемый какой-то этот Демидов. Нет в нем и грамма эмпатии и понимания, какого мне сейчас. Это ведь я ему нужна, почему не объяснить все подробно и не успокоить?

Он неожиданно снова смотрит на меня, и наши взгляды схлестываются.

— Ты не выглядшь как простушка, — говорит негромко.

Подается вперед, касаясь пальцами моего подбородка, отчего в животе что-то делает кульбит. От шока и возникшего напряжения даже не дышу. Олег проводит пальцем по щеке, опускает потяжелевший взгляд на губы и низким тоном добавляет:

— Ты выглядишь как женщина, которую я бы мог трахать

каждый день.

Если бы мне кто-то сказал, что мои трусы могут намочить лишь от пары грязных словечек, я бы ни за что не поверила. Но что-то ненормальное все-таки происходит, мне в кровь будто впрыскивают что-то горячее. Чувствую дыхание Олега на своих губах и раздумываю, не пора ли уже ему врезать?

— И которая выглядит сейчас так, будто желает, чтобы ее отодрали прямо в эту минуту на заднем сиденье машины...

Все, пора.

— Приехали, Олег Александрович.

Моя занесенная рука останавливается в пальцах Олега.

— Знакомый трюк, — усмехается он тихо.

— Давайте без харассмента, ок? — вскидываю бровь. — Иначе придется доплачивать за то, чтобы я слушала ваши грязные речи...

Олег выпускает мою руку, и кривая ухмылка расчерчивает его губы.

— Зато ты больше не трясешься. Вот так и продолжай, — хрипло, с легким оттенком издевки произносит он.

Я не отвечаю, все еще ошарашенная его воздействием на меня. Снимаю пиджак и кидаю ему, а сама вылезая из машины, желая вдохнуть свежего воздуха, чтобы избавиться от запаха Олега, который словно окутывает меня.

Он меня просто дразнил, испытывал, а я даже не поняла, еще и едва не расплылась. Ужас! Злюсь на себя ужасно, но

еще больше на Демидова. Он с ума сошел — так себя вести и говорить такие вещи? Нам же потом работать вместе.

Замечаю его фигуру и оборачиваюсь к нему. Лицо — снова непроницаемая маска, в нем больше не отображается вообще никаких эмоций. Чертов робот. Представляю, какой шторм в моих глазах — никогда не умела скрывать свои эмоции, а Олег вызвал во мне целую бурю.

Он снова молча приобнимает меня за талию, теперь уже по-собственнически. Я тяжело вздыхаю, делая неприятное открытие, что его рука чувствуется весьма приятно.

Мы проходим в ресторан, который за нами тут же закрывают. Внутри играет негромкая музыка, витает запах сигар и закусок. Столы сдвинуты, крупье уже подготавливает стол к игре.

В зале человек пятнадцать, может, двадцать. Мужчин по возрасту от тридцати до шестидесяти на вид. Спутницы у них все молодые, примерно как я. Невероятно красивые девушки, словно с обложек. Понятно, чего Лизка так старалась.

Наше появление привлекает очень много внимания. Олег пожимает руки, вежливо здоровается с теми, кто подходит, коротко переговаривается. Я молчу и следую за ним с приклеенной улыбкой на лице. Рука Олега с моей талии не опускается.

— Демидов, — раздается голос справа.

Мы оборачиваемся. К нам расслабленной походкой при-

ближается невероятно красивый темноволосый мужчина с татуировками. Зависаю на нем, пока его взгляд скользит по мне.

— Нихрена себе, — говорит он с совершенно обворожительной улыбкой, предназначенной мне, пока на автомате пожимает руку Олегу. — Это она?

— Она, — отвечаю вместо босса и тут же чувствую, как он сжимает руку на талии.

— Макс, — представляется он, протягивая руку и мне. Пожимаю, замечая, что наши руки задерживаются на пару секунд дольше положенного. Олег тоже замечает.

— Просто Варя, — тяну с наитупейшей улыбкой.

— Хватит, — рывкает он и тут же тише: — Все под контролем?

Макс усмехается и подмигивает мне, а я не отвожу взгляда от его красивого лица. Это то, что мне нужно после возбуждающей тряски, что устроил Демидов, — переключиться на кого-то не менее сексуального.

Не то чтобы я считала своего босса сексуальным... Хочется дать себе оплеуху и остановить эти мысли, поэтому вслушиваюсь в их разговор.

— Все, кто нужен, здесь, — также негромко отвечает Макс. — Так что придерживайся плана. Думаю, это будет несложно, — он бросает многозначительный взгляд на меня и снова улыбается.

Я совершенно не могу устоять перед его улыбкой, даря

ответную. Олег кивает.

— Держи в курсе.

— Просто расслабься и сыграй чертову игру. Остальное я сделаю сам. Начинаем через десять минут, — говорит Макс уже серьезно, потом отступает на шаг и добавляет: — Приятно было познакомиться, Варя.

— Взаимно, — улыбка не сходит с лица, когда я провожаю высокую фигуру Макса.

Ну до чего хорош. Тут же слышу на ухо:

— Теперь зафиксировала это выражение и посмотрела так на меня.

Поворачиваю лицо к Олегу и вскидываю бровь. Наши лица очень близко, смотрю на него снизу вверх и легко касаюсь рукой его груди.

— Сразу после того, как ты перестанешь на меня рычать. Он вздергивает бровь.

— Варвара, — он перекашивает на языке мое имя так, словно действительно рычит его. — Я еще даже не начинал. Поэтому води себя хорошо.

— Постараюсь, — пожимаю плечами и стряхиваю невидимую соринку с плеча Олега, растягивая губы в улыбке.

Перевожу взгляд на бар и понимаю, что вести себя «хорошо» мне сейчас поможет только одно.

— Мне можно выпить? Там бармен творит что-то невероятное.

— Тебе не мешает расслабиться, — снисходительно ки-

вает Олег. — Только не напивайся. Возьмешь коктейль, найди меня.

Глава 13

Варя

Заказываю «белый русский», сразу два, и, пока бармен занимается приготовлением, слежу за Демидовым. Он уже за столом, разговаривает с седовласым мужчиной рядом.

Усмехаюсь, кажется, такое лицо, как у Демидова, и называют покер-фейсом. Ни одной чертовой эмоции.

Он даже все те вещи в машине говорил мне с подобным выражением. Трясу головой, чтобы прогнать наваждение, которое он там на меня накинул.

— Первый раз на покере?

Поворачиваю голову на голос. Лысый мужчина с тату на черепе, не стесняясь, осматривает меня как экспонат. Вот у этих мужиков вокруг это в порядке вещей, что ли?

— Да, — отвечаю с легкой улыбкой и смотрю на бармена.

— Вадим, — он протягивает руку.

— Варя, — вкладываю свою, и его пальцы буквально вцепляются в мою ладонь.

— Ты Демидовская, что ли? — он делает шаг ко мне, шаря по лицу цепким взглядом.

Демидовская? Ну и формулировка. Ужас!

— Я с Олегом, — удерживаю улыбку, и он наконец отпускает меня, но не отодвигается.

Бармен словно считывает ситуацию и ставит коктейль чуть сбоку, улыбаясь:

— Ваш коктейль, Варвара.

Отступаю, делая вид, что тянусь за коктейлем, и делаю глоток. Сладкий и крепкий алкоголь разливается в груди теплом. Хорошо-то как.

— Давно ты с ним? — не унимается лысый.

Да чтоб тебя, такое мы не обговаривали с Олегом. В его версии ко мне же никто не должен был лезть. Ага, конечно. Вот этот сейчас продолжит, я устрою сцену, и кто виноват будет? Сам же проблем не оберется.

— Не так чтобы очень, — пожимаю плечами.

— С ним живешь?

Он сейчас серьезно? Я делаю пару больших глотков, собираясь сделать вид, что не услышала вопроса.

— Эй, Вадим, ты играешь или так и будешь полировать бар? — слышу голос Макса и выдыхаю.

Спаситель!

Вадим криво усмехается, опасно так, неприятно, а потом залпом выпивает свой алкоголь и, бросив на меня взгляд в последний раз, идет мимо Макса к столу.

— Не открывай рот при нем, — низким голосом предупреждает красавчик, и я вижу в его глазах такой же стальной блеск, как и у Олега, и разочарованно фыркаю.

Я-то думала, хоть он нормальный. Макс пронзительно смотрит мне прямо в глаза, пятась, а потом разворачивается

и идет к столу, тоже усаживаясь. Игра начинается.

Я не хочу идти к столу, где собрались все эти неприятные в большинстве своем мужчины. Поэтому тяну время как могу, выпиваю неторопливо два коктейля и заказываю третий. Голова обретает приятную легкость.

Чувствую тяжелый взгляд Олега на себе и вздыхаю. Время расслабления вышло. Пора приниматься за дело. Захватываю коктейль и под взглядом его серых ледяных глаз приближаюсь к нему.

Игра уже вовсю идет. Восемь мужчин за столом, дым от сигар стелется под потолком, карты шелестят, фишки позвякивают тихо и дорого. На зеленом сукне уже лежит приличная стопка денег.

Олег сидит, откинувшись на спинку стула. Когда я подхожу, он чуть шире раздвигает ноги и смотрит на меня сверху вниз.

Не говорит ни слова, просто ждет.

Я понимаю, что стула для меня нет, вижу, что некоторые девушки сидят на коленях у своих мужчин, некоторые стоят позади. Я бы тоже постояла, но знак подан вполне понятно.

Медленно подхожу ближе. Его рука поднимается, обхватывает мою талию и направляет меня к себе на колени.

Чувство, скажу честно, непривычное. Игра не останавливается, но я вижу взгляды некоторых мужчин, потому что платье задирается из-за разреза, обнажая бедро почти до самого верха. Пытаюсь поправить, но Олег тихо говорит мне

в самое ухо:

— Не надо. Пусть смотрят.

Ничего себе запросы! Но сцепляю зубы и не спорю.

Его ладонь ложится на мое бедро, на голую кожу, прямо под разрез. Сжимает. Уверенно и по-собственнически.

— Я же просил не напиваться, — так же тихо куда-то мне в шею.

Ну так просто нельзя себя вести. От его дыхания и хрипловатого голоса я вся покрываюсь мурашками. Аккуратно кладу одну руку ему на плечо, приобнимая, и отмечаю, какой он напряженный и твердый.

— Я даже еще не начинала.

Он усмехается, не смотрит на меня, молча уравнивая чью-то ставку. Я наблюдаю за игроками. Они все такие разные по возрасту и по поведению. Не всем удастся сдерживать эмоции при раздаче, некоторые нервничают так, будто от карт зависит их жизнь.

Хотя кто знает, может, это действительно так.

Демидов абсолютно спокоен, только его пальцы, осознанно или нет, выписывают круги на моем бедре. В остальном же ничто не выдает того, что он хоть как-то замечает мое присутствие.

Через минут тридцать я начинаю переживать за его ногу, не отсидела ли. Начинаю ерзать и чувствую, как сжимаются его пальцы. Игра кажется бесконечной, непонятной, официант приносит мне уже четвертый коктейль, удивляя разно-

образием.

— Не знал, что беру на работу алкоголичку, — раздраженно произносит Олег, зарывшись лицом в мои волосы и щекоча дыханием кожу.

О, черт, как это приятно.

— Мне нелегко вообще-то тут сидеть на твоих коленях, — шепчу прямо ему в ухо и приобнимаю, поглаживая затылок.
— Не мешай хоть расслабляться.

— Если обещаешь, что тебя не развезет, — его пальцы тоже зарываются в мои волосы, чуть массируя и стягивая их в кулак.

От этого с ума сойти можно.

Если я опьянею, то с большей вероятностью от запаха Олега, его рокочущего шепота мне в ухо и его прикосновений.

— Пятьсот, — говорит толстый мужчина с перстнем громко и толкает фишки в центр стола.

— Э, нет, я пас, — слышу мерзкий голос Вадима.

— Тоже выйду, пожалуй.

Олег неторопливо отрывается от меня и, пока наблюдает, как половина игроков пасуют, хмурясь, закуривает, игнорируя, что очередь дошла до него. Я наблюдаю за игроками. Остаются четверо, включая Макса и Олега, и все смотрят на нас.

Олег поднимает свои карты, заглядывая. Я вижу там семерку, восьмерку и девятку пик. Вот черт, карты выглядят

очень стремно.

— Ва-банк, — повышает Олег спокойно и затягивается.

У него может и хорошо получается сдерживать эмоции, а вот у меня отродясь покер-фейса не было. И мое удивление игроки считают, прищуриваются. Я клянусь себе за то, что сдала Олега, и меня затапливает чувство вины.

— Карты хорошие или блефуешь? — прищуривается тот, что с перстнем.

— Узнаешь, — отвечает Олег, выдыхая клуб дыма.

— Прости-и-и, — пищу я ему на ухо, он игнорирует.

— Поддерживаю, — говорит Макс и выдвигает все фишки.

— Думаешь, я сброшу? — усмехается мужик с перстнем и зажимает в зубах сигарету, чтобы выдвинуть весь банк.

Нервный жилистый паренек думает. Потом смотрит на меня. Взгляд ползет по шее, останавливается на груди, опускается на бедро, которое видно из-за разреза.

— Долго еще будешь пялиться на нее? — вскидывает бровь Олег. — Или уже сделаешь ставку?

Тот матерится себе под нос, жует губы и мечется.

— Когда игра закончится, подожди пару минут и скажи, что тебе нужно попудрить носик, и уйди в туалет. Не ори, когда я пойду за тобой, — слышу негромко пробирающийся баритон Олега. — Дотронься ногой моей лодыжки, если поняла.

Я ничего не поняла, но делаю, как он говорит. Медленно

касаюсь носком туфли его ноги. Откуда он знает, что игра закончится, и чем он может помочь мне в туалете?

Нервный паренек вздыхает и качает головой:

— Пас.

Крупье призывает открыть карты. Олег переворачивает свои. Мне кажется, что у него по сравнению с другими полный пролет. У Макса три дамы, у мужчины с перстнем — две пары. У Олега же какая-то мелочевка, разве что одна масть что-то решает.

Слышу смешок Макса. Тот, что с перстнем, впадает в какой-то ступор, глядя на карты Олега.

— Стрит-флэш у господина Демидова, — объявляет крупье.

Это хорошо?

— Твой банк, — Макс лениво откидывается на спинку кресла и закуривает.

Кажется, он ничуть не расстроился, что проиграл, а на столе лежит банк с такой суммой, что мне кажется, за всю жизнь не заработать.

— Ты выиграл? — с удивлением подаю голос. — Правда?

С восторженным возгласом обнимаю его. Рука Олега сжимается на моей талии. Отрываюсь от него и смотрю в лицо. Впервые вижу, как в глазах мелькает удовлетворение.

— Молодец, — хвалит он неожиданно.

— Я?

— Из-за тебя он подумал, что я блефую.

Издаю тихий смешок и качаю головой.

— Тогда ты должен мне процент, — хитро смотрю на него.

Уголок губы Олега дергается, и он кивает:

— Идет.

Крупье подготавливает все для следующей игры, кто-то встает размять ноги. Отсчитав про себя пару минут с окончания партии, я встаю и говорю дурацким голосом:

— Милый, мне нужно припудрить носик, я скоро вернусь.

Стараюсь не обращать внимания на то, что привлекаю слишком много мужского внимания, и иду по направлению к уборным.

Почти у самой двери в женский туалет меня нагоняет Демидов, хватая под руку и тянет на два шага дальше, к мужскому. Я уже настолько в принятии, что даже не сопротивляюсь.

Мы заходим в просторный туалет, и я слышу, что в одной из кабинок кто-то есть. Но Олег уверенно ведет меня к свободной. Мы заходим и оказываемся в узком темном пространстве с приглушенным светом. Это не просто кабинка, а целая маленькая комната, выложенная дорогой плиткой. Дверь закрывается, и я слышу щелчок замка.

— Что ты делаешь? — шиплю на него.

— Делаю вид, что собираюсь тебя трахнуть, — серьезно отвечает он и прижимается ухом к двери, слушая, что происходит снаружи.

Я округляю глаза. Эта игра уже заходит слишком далеко.

— Ты думаешь, они итак не догадались, в каком я качестве рядом с тобой?

Олег переводит на меня взгляд и усмехается.

— Догадки есть. Но чем ты отличалась от эскортниц, которые также рассиживались на коленях?

Я сердито выдыхаю. Как из учительницы начальных классов я превратилась в подобие эскортницы?

— Тогда что им помешает думать, что я просто дала тебе за дополнительную плату?

— Вброс, что ты живешь со мной. Мы по пазлам складываем их картинку.

— Что я твоя любовница?

— Что ты моя любовница.

— Я не понимаю, для чего так стараться. Ну понятно же вроде...

— Сейчас у них есть информация, что ты няня, — неожиданно сообщает Олег. — Нужно, чтобы они сильно начали в этом сомневаться. Сначала они думают так, потом иначе. А где правда, непонятно.

Я запутываюсь вконец.

— Они не должны знать, что я няня? — хмурюсь.

— Они вообще не должны ничего знать.

— Тогда откуда знают? Кто им сказал?

— Вот это мы с тобой сейчас и пытаемся выяснить.

— И весь этот цирк напрямую связан с безопасностью Алисы? — с сомнением произношу.

— Именно, — кивает Олег и снова прислушивается. — Я должен понять, кто из врагов находится рядом с моей дочерью, чтобы защитить ее.

Теперь становится чуть понятнее, почему он перевернул мою комнату. Значит меня считал врагом? Но не ясно, почему не решить проблему, просто ограничив список людей, кто знает про Алису? Убрать всех кухарок, учителей, охрану. Оставить меня, Евгения и себя. Для меня решение проблемы выглядит просто.

Олег расстегивает пиджак и ослабляет галстук. Затем прислоняется спиной к стене напротив меня и кивает:

— Давай, подыграй.

— Как? — не понимаю.

— Покричи немного.

Нервный смешок срывается с губ. Да он с ума сошел...

— О спасении? — поддеваю я, и Олег вскидывает бровь.

— Ты что, не умеешь имитировать?

— Никогда не делала такой комплимент мужчинам, которые не могут меня удовлетворить, — заявляю я и замечаю, как уголок его губы чуть дергается.

— Тогда вспомни свой лучший секс и проживи его еще раз, Варвара.

— Это ужасно неловко, я не хочу, — отказываюсь. — Я же не актриса.

— Давай как можешь, — настаивает Олег.

Я молчу, он раздраженно выдыхает и прищуривается.

— Клянусь, Варвара, — рычит он, — если ты прямо сейчас не начнешь, я заставлю тебя стонать по-настоящему.

Это заявление одновременно пугает и снова пускает по венам неконтролируемый огонь. Но мы не договаривались, что помимо «просто побудь рядом и поулыбайся» в программу вечера неожиданно войдет пункт «притворись, что я тебя трахаю». Хочу возразить, но встречаюсь с ним взглядом и понимаю, что он реально это сделает.

Закусываю губу, набираясь смелости.

Ладно, играть так играть. Сжимаю платье на бедре в кулак, чтобы унять дрожь в пальцах, и с моих губ срывается первый стон.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.